

ПЯТЬ

СТИХИЙ

Творчество без излишнего пафоса

№3 (5) – 2012

Учредитель, шеф-редактор:

Ратундалов А.В.

Рег.свид. ДЦ 3130-757Р от 6.01.2012 г.

Редакционная коллегия:

Анна Воинова (КЛУ),
Иван Волосюк (МСПС),
Ирина Кузнецова (СП России),
Иван Нечипорук (МСПС),

Корректор:

Е.А. Ратундалова.

Информационный портал:

<http://5stihy.blogspot.com>

Адрес редакции:

Украина, Донецкая обл.
г.Горловка-14, ул. Стожка – 138

*Произведения принимаются только
на п/я: 5stih@bk.ru*

Материалы принимаются после положительного решения редколлегии. Редакция имеет право отказать автору, без указания причин, и не вступать в переписку.

Журнал отпечатан на коллективном предприятии «Горловская типография»
84617, г. Горловка, ул. Горького-50.

Тираж 310 экз.

Обложка, художественное оформление -
Станислав Григорьевич Каплун

В НОМЕРЕ:

Стихия стиха/Стихія вірша

Вера Агаркова - 3
Аля Герасимович - 5
Алла Дашкеева - 7
Андрей Икрин - 11
Евгений Ковальчук - 14
Александр Курапцев - 17
Николай Тимохин - 19
Сергей Чайкин - 22
Светлана Шемякина - 25
Владимир Шестаков - 30
Наталія Ковальська - 46
Тарас Кушнір - 49
Наталія Науменко - 53
Катерина Ромашук - 58

Дебют

Руслан Ковальчук - 33

Стихия публицистики

Руслан Гончаров - 35
Алевтина Евсюкова - 37
Валерия Ковальская - 39
Юрий Полицкий - 42

Стихия прозы

Ольга Венцель - 61
Тетяна Кривенко - 64
Виталий Кузнецов - 68
Любовь Кутковая - 72
Оксана Турченко - 76

Союзники

Анна Воинова - 81
Иван Волосюк - 85
Ирина Кузнецова-Груздева - 87
Иван Нечипорук - 91

Память

К 140-летию со Дня Рождения
А. Коца - 94

Вышли в свет

Похмельный синдром - 95
Вольные стражи весны - 96
Потому что люблю - 96

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Коллектив Донбасского сетевого литературного объединения «Стражи весны» поздравляет своих участников – супружескую пару **Александра Курапцева и Веру Агаркову** с рождением сына.

И от всей души желает маленькому **Льву Александровичу** крепкого здоровья, полноценного роста и творческого развития!!! А родителям удачи в воспитании! Растите большими!!!

Редколлегия журнала «Пять стихий» поздравляет Ирину Кузнецову (Груздеву) со вступлением в ряды Союза писателей России. Желаем выхода новых книг, новых свершений и не останавливаться на достигнутом!!!

Ведётся сбор материалов на литературный журнал "Пять стихий" на основе самофинансирования (к сожалению, редакция пока не имеет спонсора). Журнал выходит в свет соответственно наполняемости материалом объёма в 90–100 страниц А5 формата. Принимаются поэзия, проза, публицистика, критические материалы.

Стоимость одной страницы А5 – **16 гривен** (65 рос. рублей) + стоимость пересылки для живущих за пределами Донбасса. Анонсирование книги в рубрике "Вышли в свет" – **25 грн. страница.**

Язык произведений – русский и украинский (при условии большого количества заявок возможна публикация произведений на белорусском языке, а так же сербские и болгарские произведения с параллельным переводом на русский или украинский языки).

Материалы принимаются после положительного решения редколлегии. Редакция имеет право отказать автору, без указания причин, и не вступать в переписку.

Журнал не является коммерческим проектом, а потому – издание безгонорарное, авторам предоставляется бесплатный авторский экземпляр. Цель журнала – через библиотечную систему донести Слово к читателю. Основная часть тиража поступает в горловские и донбасские библиотеки, книжную палату Украины и Национальную библиотеку им. В.И. Вернадского.

Заявки принимаются на электронный п/я **5stih@bk.ru**

СТИХИЯ СТИХА

ВЕРА АГАРКОВА

Родилась 19 февраля 1982 года в с. Биллингс Магаданской области. Живёт в пгт Старобешево, Донецкой области. Журналист районной газеты «Новая жизнь», обладатель премии «Золотое перо Донбасса», Печаталась в журналах Украины, России, Австралии. Автор сборника стихов «Отшельник».

страхи

страхи, берущие начало из детства
как и всё в нас –

болезнь сердца
привычка прощать всех, кроме самой себя
смотреть вверх, не открывая глаза
помнить прошлое и не загадывать наперёд
а главное – понимание – что каждый из нас умрёт
количество верных врагов, не равное бывшим друзьям

страхи, берущие за
глотку, за ворот, за чуб

– всего лишь игра с тенью кого-то, похожего...

можно
мне погулять с этим мальчиком
еще хоть пару минут, Боже?

монохром

монохромные кадры
в сопровождении метронома
бред –
как след
эксцентричного вкуса
кратер
завалы мусора
в пределах сплошной зоны
и вне
йода нехватка
и невозможность иметь детей

ПЯТЬ СТИХИЙ

на фоне реактора
и кислотных дождей
стихи Арсения
и прозрение
в шаге от двери
лейкоциты в норме
но разъедает сознание и горло
смог
закопченные капли на образах
юродивый бог
сам не верит
и засыпает в слезах

ОКНО

бессонница – моя
иные – прочь
а кто мои друзья,
мне скажет ночь
словами захлебнусь –
самой смешно
я – сонная – боюсь
открыть окно
но город смертных душ
бездумно тих
и пьет – из грязных луж –
вино
и стих

ТИШЕ

на кончиках пальцев
в спутанных волосах
ловлю тебя в воздухе
вижу в немых снах
лишаюсь сознания
но лезу на крышу
знаю заранее
голос богов слышен
если сидеть
тише

АЛЯ ГЕРАСИМОВИЧ

Родилась в Горловке в 1969 году. Базовое высшее образование получила в Горловском педагогическом институте иностранных языков. В 2005-2010 г.г. - автор и ведущая радиопередач «Поетична сторінка Горлівки», «Дитяча сторінка Горлівки» на радио «Валентина». Пишет стихи и сценарии. С 2000 года член Горловского лито «Забой» с 2009 лито «Стражи весны». Публиковалась в журналах, альманахах «Восхождение», «Лава», «Междуречье», «На крыльях слова».

* * *

Разве паузой – стих
Восполнишь?..
Стих ensemble для двоих...
А помнишь?

Как жилось нам – судьбой
Хранимым,
Как нам пелось – взаимно
Любимым?

Проседь будней и див –
ной сказки
Подвенечный мотив
Сентябрьский?..

И измену, и дрожь
На взморье,
И любовь, - отчего ж
Не вспомнить...

Вспоминай, прошлых лет
Отрада,
Вспоминай... только петь
Не надо.

21 июня, 2004 год.

* * *

Я помню:
Из окон полуденный зной
Удушливо в сердце вливался
И, больно
Рассудок покрыв пеленой,
Пожаром в висках отражался.

И было
В плену девятнадцати лет
Принять без лишних терзаний,
Так трудно
Одно равнодушное “нет”
На тысячу страстных желаний.

Шло время...
Виски пот дорог охладил,
И власти рассудка час пробил.
Лишь сердце –
Неистовый узник в груди –
Стучит за решеткою ребер...

* * *

Прошито строчками витиеватыми
Пережитое, да не во сне.
Простые истины лежат заплатами
На сердца колотом полотне.

До наготы мне отбросить хочется
Лохмотья выцветших дум моих,
И не хватает мне одиночества
Ни скрасить, ни разобраться в них.

Апрель, 2000 год.

АЛЛА ДАШКЕЕВА

Родилась в г. Дзержинске Донецкой области. Закончила педагогическое училище по специальности «Дошкольное воспитание». Пишет стихи для детей и взрослых. Одиннадцать лет является активным членом литературной студии «Муза», а также внештатным корреспондентом газеты «Дзержинский шахтёр». Публиковалась в газетах «Отражение» (Донецк) и «Дзержинский шахтёр», в альманахах «Восхождение» (г. Горловка), «На семи ветрах» (г. Дзержинск), в сборнике «Встряска» (г. Дзержинск), в литературном журнале «Пять стихий» (г. Горловка). Победитель городского поэтического конкурса «Светлое Рождество» (2009 год).

КРЫМСКОЕ ЛЕТО

Манило синим шёлком вод
И очаровывало море.
Я знала, этот час придёт –
Ждала его, сиренам вторя.

Мой стан лелеял тёплый бриз
В лучах проснувшегося утра,
Фонтан солёно-горьких брызг
Играл на солнце перламутром.

Под негой солнечных лучей
Сияли капельки, как перлы,
И россыпь жемчуга с плечей
Песок заглатывал, как жерло.

Под тихий плеск волны морской
В палатах нимфы Нереиды
Царил лазуревый покой,
Открыв пейзажные мне виды.

От зноя спрятавшись под зонт,
На лоне вод узрела парус –
По курсу шёл за горизонт,
Ассоль на берегу осталась.

Обетованный крымский рай
Из снов далёкого мне детства,
Прощался криком птичьих стай,
Забрав с собой кусочек сердца.

ИЮЛЬ

Июль на осень лето клонит,
Лишь первая прошла декада,
И ветки вишен в краску вводит,
Под кроной радуется прохладой.

Кладет рубины прямо в руки,
Хоть сразу ешь, хоть поддержи,
Раската грома отзвук гулкий
Рысистой лошастью бежит.

Намочит дождь наряд пурпурный,
Роскошной вишни платья плюш,
Потом сбежит потоком бурным,
Забрызгав зелень листьев груш.

Возьмет черешни красной краски,
Подкрасит сполохи зарниц,
Всё подчинив горячей власти
Под шорох рыженьких ресниц.

* * *

Как озимые, рвется слово,
Пробивая снега запретов,
Нарядив себя в образ новый,
В иллюзорных мирах поэта.

Крестит мило дитя в пеленках
И в намоленных стенах храма,
Пролепечет малыш негромко
Долгожданное слово Мама.

Рассказав, как идти потомкам,
Посылает с Надеждой Мудрость,
Положив Доброту в котомку,
Не бессмысленной жизни скудность.

В облачении светлой ризы
Благодатью к душе и слуху,
От рождения и до тризны
Торжество возвышает духа.

В зимний вечер словам не спится,
Примеряют мои одежды,
Добродетель проходит в лицах –
Мама, Вера, Любовь, Надежда.

ДУША В СЛЕЗАХ

Нема бесплотная душа –
Не вымолвит ни «ох», ни «ах»,
Добра, скромна и хороша,
Но, почему-то, вся в слезах.

Страдает, горя не унять,
Её совсем легко обидеть.
Вам, людям бы её понять, -
Предпочитают все – не видеть.

Она от холода дрожит,
От одиночества тоскует,
Ей в теле хочется пожить,
Но все слезу её смакуют.

Судачит всякое молва,
Хихикая, забившись в угол,
Бедняжка держится едва,
Так и не встретив друга.

Не дочь закутана в меха,
Не плут, сыночек мамин,
За кем не числится греха,
В неё пусть бросит камень.

ДУШЕ БЕССМЕРТНОЙ НЕПРИСУЩА РЖА

Душе бессмертной не присуща ржа,
Меня обидеть - ничего не стоит,
Но положеньем «рученьки сложа»
Внимания врагов не удостою.

Напившись с родника живой воды,
Умывшись той живительною влагой,
Развею в ковылях обид следы
И с чистым сердцем совершу я благо.

Устрою пир в нескошенных хлебах,
Искоренив слов сорных дикий плевел,
И культивирую добро в садах,
Бессильно падая в цветущий клевер.

«Иди и ты твори тако же» - дел услада.
Не жду за благо никакой награды,
И мне елейных сладостей не надо,
Живому слову, как ребенок, рада.

АНДРЕЙ ИКРИН

Родился в 1971 году в г. Горловка. После окончания ДонГТУ работает в угольной промышленности. Участник литдвижения с 1988 года, член Горловского литературного объединения «Забой». Имеет множество публикаций в периодической печати, коллективных сборниках, альманахах «Восхождение», «Славянские колокола», «Пять стихий».

* * *

Нет, память не стёрла,
Как летней порой,
Как бритвой по горлу –
Под корень пилой
Валили деревья
В прекрасном саду!
Я словно от зелья,
Я словно в аду
Бродил, забывая,
Где ночи, где дни –
Мой сад умирал,
Оставались лишь пни.

* * *

Мчится пассажиром безбилетным,
Чахнет в ожидании гроша,
Прозябает в пьянстве беспросветном
В черных буднях грешная душа.

Душу очернил, увы, не уголь –
Времени безжалостный пожар,
Слава, романтизм пошли на убыль,
Что осталось? – Копоть да нагар.

ПЯТЬ СТИХИЙ

И смешались в пепле годы, сутки,
Капитал нахален и хитер,
Кто в почете? – Воры, проститутки.
В нищете – обманутый шахтер.

ПУСТЫНЯ

Перед глазами пустыня лежит,
Пустыня, где даже песок – дефицит.
А миражи нас все манят и манят,
Они нас обманут, их скоро не станет.
Мы вместе, но каждый из нас - одинок,
И никому в этом мире не нужен.
Бессилие слов и бессилие строк,
Пустыня, пустыня внутри и снаружи.

* * *

Петлей на шее красный луч заката
Затянется, порвавшись в тот же миг,
И убегут, исчезнут вдруг куда-то
Воспоминанья о глазах твоих,
И о твоей таинственной улыбке,
И о моей несбыточной любви...
Отбросит ночь все слезы и обидки,
Соединив случайно нас двоих.

* * *

О, сила дурная,
Что терпит обманы,
И правды не знает,
И пусто в карманах,
Лишь лом да лопата,
Балда и зубило,
Вот все, чем богата
Рабочая сила.

* * *

В километровой глубине
Мой друг погиб сегодня ночью,
Чуть позже сообщат жене,
И плакать будут сын и дочка.
И мать устами припадет
К такому дорогому сыну,
И горстка угля упадет
В еще открытую могилу.
И с похорон друзья пойдут,
Чтоб по одной еще добавить,
И „коногона” запоют,
А завтра снова будут в лаве...
Тузы на „Вольво” и „Рено”
Задержат всем зарплату снова,
И с неба скажет Мишка слово:
„Эй, люди!..”.

Людам – все равно.

СЛОВО

О, Боже!
Почему со мной такое?
В душе – и раздвоенье, и возня,
Светло от горя, мрачно от покоя,
И Слово снова мучает меня.
И не дает, забывшись, притвориться
Безропотным свидетелем того,
Как в бездну наше бытие стремится,
Не веря в Бога...
И забыв Его,
В иллюзиях обманных пребывает,
Кичась свободой, которой нет...
Меня лишь Слово будит и спасает,
И в темноте дает увидеть свет.

ЕВГЕНИЙ КОВАЛЬЧУК

Родился 11 октября 1981 года. Живёт в Горловке, пишет стихи и песни. Закончил ДонНУ (филиал в Горловке) по экономической специальности. Является одним из создателей группы Dusk Dwell, играющей мелодичный металл, является клавишником, композитором и автором текстов. Член лито «Стражи весны». Публиковался в периодике, в коллективном сборнике «Звонкие рассветы», в альманахе «На крыльях слова».

ТУДА НЕЛЬЗЯ (Реанимация)

Нельзя туда. Страшно. Животное
Чувство внизу живота.
Мысли испуганно-рвотные
Дёргают ниточки рта.
Сколько ещё? Неизвестное
Ноев в несчастной душе.
Где-то гремит одноместная...
Поздно. И рано уже.
Тихо. Туманно. Беспмятно.
Вот бы в подушку лицом,
И беспробудно, чтоб замертво,
Чтобы кошмар был, но СОН!
Нельзя туда. Чистые, светлые -
Там люди, подобно богам,
Назад возвращают бессмертные
Души их смертным телам.
Одежды обретшие тленные,
Воротятся скоро они,
Молитвами благословенные
Жители грешной земли.
И зря над надеждой, как вороны,
Чёрные мысли скользят:
Я буду по эту ждать сторону,
Раз по другую нельзя...

ЗАСНУЛ НАВЕКИ ЗА РУЛЁМ

Заснул навеки за рулём,
Его отчаянно сжимая,
Холодным зимним белым днём,
Погибель не осознавая.
Кабины вмятой не узнать -
Смертельной хваткой сжался кокон
И в миг последний свою мать
Он видел из разбитых окон...
Зажат, раздавлен, и ему
Уж дым дорогу в небо стелет,
Он не вернётся ни к кому
Из этой огненной постели...
Металл остыл и тихо так...
Пятном на белом сталь чернеет,
Летят седые облака
И на деревья пепел сеют.
Зимой и летом холода
Отныне в сердце одиноком,
Но слёз в морщинах не видать,
Как на снегу - осколков стёкол...

КЮВЕТ

Закружился и, вмиг чтоб рассыпаться,
В ожидании съёжился мир.
Из объятий смертельных не вырваться -
Кружит смерть, словно в танце факир.
Тают воском судьбою расплавленным
Жизни, судьбы... Теперь они чьи?
По надеждам, навечно раздавленным
Масла с кровью сочатся ручьи...
С серой пылью дороги сливаются
Те, что исповедимы пути,
Но не каждый успеет раскаяться
Перед тем, как внезапно уйти.

И со всхлипами тая негромкими,
Умолкает смиренно навек,
Похороненный под обломками,
Уже «бывший» теперь человек...

ДТП*

Металла съёжились обломки,
Клубится едкий чёрный дым,
И души тянутся в мир тонкий
Над ним.

ТОБОЙ

Жгутом затянута дыханье,
И чуют вены сердца сбой -
Превысил дозу обладанья
Тобой.

ТОСКА

Грустит весна, и рвёт сирени
Прохладный ветер лепестки,
Под облаками бродят тени
Тоски.

ОСЕНЬ

Лоскутья пламени хватает
Твоя замёрзшая ладонь:
Остатки осени съедает
Огонь.

* Порошки – неформальная стихотворная нео-форма – четверостишия (ямбы) с усечённой последней строкой, появившиеся не так давно в интернет-пространстве, являющие собой – поэтический тренинг. Чаще всего ироничного характера, но всё чаще появляются и серьёзные темы.

АЛЕКСАНДР КУРАПЦЕВ

Родился 18 апреля 1981 в городе Дзержинск. Окончил 11 классов, три ПТУ, освоил с десятков профессий. Пишет стихи, песни, рассказы. Член сетевого литературного объединения «Стражи весны» и Конгресса литераторов Украины. Публиковался в литературных журналах «Страна Озарение» (Новокузнецк), «Склянка Часу» (Канев), в альманахах «Пять стихий» и «На крыльях Слова», коллективных сборниках «Зимние Таинства», «Чёрные рыцари Донбасса» и других.

БЕГ

Все мы ходим под богом бегом,
но выходит нам боком бег,
если больше любить нас некому,
если некого нам согреть.
Ходят бегом над нами боги,
настигают нас их шаги,
и с рождения мы слышим грохот:
«Обувайся, беги, беги!»

* * *

Август густ, как желе
и шершав, как лимонная кожица,
пропеченная тень
всё жирнее на белой земле,
пахнут дынями дни,
словно скользкие желтые косточки,
и желтеет трава
на моей золотой голове.

МАМИНКОТ

У моей мамы есть мы –
странные, непонятные люди,
у моей мамы есть мир,
который мы любим.

Ещё у мамы есть кот,
у кота квартира под крышей,
в квартире шкаф и комод,
и ни одной мыши.
Мама кормит кота
каким-то кошачьим средством,
и кот начинает летать,
как в детстве.
Его полосатой души
хватит на три нирваны,
но он уходит в Чешир,
а выползает из-под дивана
злобный, голодный, без сил,
сердито топорщит усы,
будто хочет, чтоб его спросили,
а где это тебя, брат, носило...
Кот влезает на подоконник,
смотрит в окно, и в окне
под заштопанным небом суконным
мышка прячется на луне.
Словно тайну какую храня,
кот ведёт себя очень странно,
ему так не хватает меня
и Роберта Хайнлайна.

ВВ

воскреситель времени
передвигает стрелки часов
на неделю назад
и если открыть глаза
и посмотреть ему
вслед
то можно увидеть
как мы
просыпаемся
молодыми

НИКОЛАЙ ТИМОХИН

Родился и проживает в Казахстане, в г.Семипалатинске. Закончил филологический факультет Семипалатинского пединститута. Работал учителем русского языка и литературы в школе, а также на воспитательной работе в других учебных учреждениях города. Председатель казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей. Публиковался в изданиях Казахстана, России, США. Автор двух книг, к изданию готовится третья.

* * *

*...Жизнь состоит из взлётов и падений,
На каждый минус - существует плюс...
...За счастье в жизни часто платят горем,
За воду - жаждой, голодом - за хлеб...
...И лишь поэты ищут постоянства,
Придумывая вечную любовь...*

Евг. Нефёдов

Падений в жизни у меня - не счастье,
А взлетов – много и не наблюдал.
Всё оттого, что ненавижу лесть,
Поэтому препятствий было – шквал,
На той дороге, что ведёт вперёд
Меня, порой, судьбе наперекор.
А кто и что за поворотом ждёт,
Заранее не знаешь. До сих пор,
Плачу за радость я – двойной печалью,
Находка – превращается в потерю,
Тяжёлую. Что будет вновь за далью?
Лишь снова даль? И я её измерю
Шажками? Это станет испытаньем.
Не зная горя – счастья не узнать.
Его покоят тайны мирозданья
И в путь, за ним, влекут меня опять.

ПЯТЬ СТИХИЙ

А в жизни не ищу я постоянства,
Природою всему отпущен срок.
Но только не совсем с любовью ясно:
Её навечно отыскать не смог.

* * *

Незримый бой ведёт добро со злом,
День побеждает ночь, а правда – ложь.
Расплата наступает – поделом,
Но истину, порою, не найдёшь.
Кому сейчас легко на белом свете –
Безумцу, простачку иль мудрецу?
Томлюсь вопросом я не только этим.
За что вновь получаю по лицу
Тяжёлою рукой судьбы? Она
Ведёт меня нехоженой тропой...
От дум своих лишаясь часто сна.
И, кажется, не я - уже другой,
Людского сострадания достоин,
Стремящийся ошибки исправлять.
Но, всё же, жаль, что мир таким устроен –
Несправедливым, алчным. И опять
Незримый бой ведёт добро со злом
И доживу ли я до мирных дней?
В их приближенье верится с трудом,
И гложет душу червь тоски сильней.

* * *

Заглушила пение тоска.
И душа, с закатом, замолчала.
Словно, чья-то грубая рука
Сильно скомкала её. Сначала
Слов той песни мне не повторить,
Музыка ночи – совсем другая,

Тонкая, что паутины нить,
Как её исполнить, я не знаю.
В ней не слышится весёлых нот,
А мотив – от звёздного мерцанья.
Всё сильнее грусть меня берёт
В крепкие объятия. Желанье
Вновь запеть – исчезло в никуда.
Холодно в окно глядит луна,
Не понять мой мир ей никогда.
Снова проводить мне ночь без сна.
Заглушила пение тоска,
Оборвав его на полуслове.
Будто чья – то грубая рука,
Загодя была уж наготове.

* * *

По пустынной улице, с оркестром,
Шёл один солидный господин.
Почему-то вспомнилось мне детство,
Андерсена сказки. Верил им
Я тогда, читая их запоем,
И мечтал: лишь только подрасту,
То по улице красивым строем,
Важно, с музыкантами пройду.
Гулко отзовется барабан,
Трубы запоют, как в небе птицы.
Дирижёра жёлтый аксельбант
Солнечной улыбкой заискриться...
Но сегодня, кажется, ни к месту,
Вдруг приснился этот странный сон.
На пустынной улице, с оркестром,
Господин солидный, не смешон?

СЕРГЕЙ ЧАЙКИН

Родился в 1983 году в Запорожье. Окончил ЗНТУ, по профессии - конструктор. Пишет стихи, музыку, занимается живописью, играет в запорожской рок-группе «Солярис». Участник сетевого литературного объединения «Стражи Весны». Публиковался в российских и украинских литературных журналах, альманахах. Автор книги «Свет на дне колодца».

ЭНИКИ-БЕНИКИ

Эники-беники ели вареники,
Трейдинги-брендинги – так целый день.
Бложили-множили слоганы, рейтинги
Светлой мечтой в поголовье людей.

Нюхали бедные Машеньки-Петеньки
С гладких экранов статей порошок –
Думать: на что нам, коль пишут экспертизы,
Что для нас плохо, а что хорошо?

Меньше конкретики, больше косметики,
Авторитета учёных, врачей,
Машеньки-Петеньки пьют энергетики,
Вряд ли уже понимая, зачем.

Хочется жить им, как в модном журнальчике,
Как на картинке с большого щита –
Жаждите, девочки! Жаждите, мальчики!
Вечная жажда – и есть нищета.

Счастье в витринах, как сладкие персики,
Льётся слюна да желудочный сок –
Пойте, важны не слова вашей песенки,
Главное, деточки, петь в унисон.

Проще простого, как крестики-нолики –
Свет дарит то, что сильнее блестит.
Гномики знают закон экономики:
Спящего можно на всё развести.

Собственной слабости бедные пленники,
В той же канаве оконченный путь,
Эники-беники – старые треники,
Эники-беники – новенький пульт.

ПРОШЛА

Ты прошла, словно пуля, навывлет,
Чуть повыше шестого ребра,
Когда ветры февральские выли
В череду повседневных неправд.

Поперек всех просроченных планов,
Что должны прикрывать собой быт,
Ты прошлась, как игривое пламя
По бухгалтерской книге судьбы.

Эта страсть так проста и преступна,
И – что лгать? – от любви далека.
Ты прошла, как проходит простуда,
Оставляя лишь грудку лекарств.

И остывший, изодранный в клочья
Безнадёжных надежд крепдешин.
Эту рану храню, как жилплощадь,
Для тебя в коммуналке души.

Знаешь, время – известный мошенник,
Боль по капле цинично крадёт,
И смеётся в затылки прошедших –
Всё проходит, и это пройдёт.

ГРАФОФОБ

Стихи нужны, чтоб их рвать и жечь,
Картинно каяться и грозить,
Терзать бумажное неглиже,
Кормить картавые рты корзин.

Стихи нужны, чтобы в темноте,
Не в силах жажду перебороть,
Писать не то, посвящать не тем,
И слепо думать наоборот.

Чтоб, зная заповедь червяка:
«Чем ближе свет, тем короче жизнь»,
Спешить и рыться в черновиках,
И понимать, что опять в чужих,

Бродить по улицам как во сне,
Шальные слёзы стирать со щёк.
Стихи нужны, чтоб за них краснеть...
Всегда краснеть – и писать ещё.

СВЕТЛАНА ШЕМЯКИНА

Родилась на Украине. Живёт в г. Дзержинске. Имеет два высших образования: техническое и экономическое. Работает в городском финансовом управлении. С 2010 года посещает городскую литературную студию «Муза». Публиковалась в периодике, в сборнике «Встряска», в альманахах «Восхождение», «На семи ветрах», в литературно-художественных журналах «Пять стихий» и «Три желания», в сборниках проекта «БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ» (Россия, Москва).

ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРОЗЫ

Бесстрастно блещущие звезды
Роняли свет своих лучей
На кудри дремлющей берёзы,
Скрывавшей днём в тени чижей.

Тревожно тишина дышала...
Что же мешало ей опять? -
Зарница яростно пылала,
Приворожившая мой взгляд.

Смолк соловей, елебно звавший
Подругу в заросли ветвей, -
Грозы идущей испугавшись,
Внезапно оборвал он трель.

Под чарами волшебной ночи
Заворожённый лес стоял,
Как будто чем-то озабочен,
И жадно тишине внимал.

Беспечно лишь луна купалась
В кипящей пене облаков –

Ни ора грома не боялась,
Ни молний острых языков.

Я с упоением вдыхала
Июньской ночи аромат...
Об этом ли душа мечтала,
Найдя
 в тиши особой
 лад?..

Я УЙДУ ОТ ТЕБЯ...

Я уйду от тебя в рассвет,
За спиною оставив ночь
И звезды твоей лживый свет,
Отгоняя все беды прочь.

Я забуду тебя, поверь,
Слёз моих не увидишь ты –
Боль изведав былых потерь,
Научилась сжигать мосты...

ТЫ УШЛА ОТ МЕНЯ ОЧЕНЬ РАНО...

Моей маме посвящается...

Ты ушла от меня очень рано,
Было слышно, как скрипнули двери...
Не хотела я в это поверить,
Сердце ныло – сочилась в нём рана.

С той поры восемнадцатый раз
Лето жаркое кануло в осень,

Но никто меня так и не спросит,
Как живу без твоих серых глаз,

Что могли всё простить, и понять,
Не браня за грехи и ошибки...
Как живу без твоей я улыбки...
Кто поможет в беде, как ни мать!

В мир иной уходя, говорила:
«За тебя, моя дочь, я спокойна».
Только было, родная, мне больно...
Как остаться тебя я молила!

...Мир бежит по извечной спирали...
Бесконечно меняются лица...
И сегодня мне мамочка снится
В чисто-белом, как снег, одеянии...

ФАНТАЗИИ...

Фантазии ума... Они - непостижимы.
Заманчивы, весьма, бывают их вершины...

Фантазии ума уводят в Зазеркалье,
В прошедшие века, по кругу и спирали.

Фантазии ума... Их лабиринтов сила
Степенно иногда в тупик нас заводила.

Фантазией ума придумываем лица,
Забывтые миры, затёртые страницы.

Фантазией ума пытаемся понять мы
Значение добра у нашей демократии...

Фантазии ума – непознанные грани...
Исписаны тома... А Правду не poznали...

Что горе от ума - давно, увы, не новость.
Всё чаще правит тьма... и множит свою поросль.

Фантазии ума с надеждой устремляли
Мы в поисках Любви в заоблачные дали...

Фантазии ума доводят до абсурда...
А, может, и права фантазия рассудка...

Я К ТЕБЕ НЕ ВЕРНУСЬ

Ты меня до рассвета не жди
И с вечерней зарёй не встречай -
Замело, занесло все пути...
Я к тебе не вернусь, так и знай!

Ты меня не зови, не ищи -
Не купить тебе счастья билет.
Ты мне писем своих не пиши -
Не вернуть тебе то, чего нет.

Ты надежду в себе не лелей,
Что растают и льды, и снега,
И что сердце моё отболеет...
Я к тебе не вернусь никогда!

МНЕ БЫ ТОЛЬКО ДОЖИТЬ ДО РАССВЕТА...

Голова – раскалённые угли...
Слышу голос: «Ты сходишь с ума».

Безысходностью загнана в угол,
Правит балом крошечная тьма.

Сердце бедное рвётся на части –
Нелегко покориться судьбе –
Я поверила мнимому счастью,
Я поверила, просто, тебе...

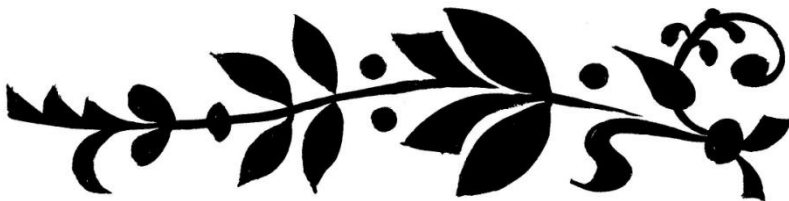
Мне бы только дожить до рассвета
И в его искупаться лучах,
Излечить свою душу и тело
В вешних водах лесного ручья...

ДОГОРАЮТ ПОЛЕНЬЯ...

Догорают поленья в камине.
Тихо стонет метель за окном...
Верить хочется мне, что отныне
Благодать не покинет мой дом.

Матерь Божья с иконы взирает...
Взгляд небес... Ни солгать. Ни предать.
И душа к покаянью взывает,
Не желая в грехах утопать.

Губы шепчут молитву в надежде,
Что услышана будет она.
Я сегодня прощу, как и прежде:
Очищенья, смиренья, добра.

ВЛАДИМИР ШЕСТАКОВ

Появился на свет в Харькове в семье офицера. В шестидесятых годах прошлого века жил в Константиновке, ныне проживает в приднепровском городе Кременчуге. Состоит в Межрегиональном союзе писателей Украины (МСПС). Лауреат литературной премии имени "Молодой гвардии".

СЕРДЦЕ ПОЭТА

Ищут инфаркты поэтов –
Бьют наповал днём и ночью...
Страсти вобрав всей планеты,
Каждый удар очень точен!

Сердце поэта – не камень,
Латы его не скрывают.
Вспыхнув во тьме, словно пламя,
Так и горит, не сгорая...

МОЙ ДРУГ

(из цикла "Эхо войны")

Я полвека искал тебя зря,
Ожидал нашей встречи напрасно.
В день рождения средь сентября
Представляя черты твои ясно.

Опереться тянулась рука:
(Мы вдвоём бы печаль одолели!).
...Растекается жизни река,
Где пороги, стремнины и мели.

Не для каждого жизни итог
У дороги проявится длинной...
Ты на свет появиться не смог:
Твой отец был убит под Берлином.

ЦЕНА ПОБЕДЫ

На земле не затянутся раны
И сердец опалённых не счесть!
В даль уходят ряды ветеранов,
В душах светлых осколки и честь.

Полководцы по-своему правы:
Лишь победа в сраженьях важна.
Павшим воинам - вечная слава!
Только мёртвым она
не нужна...

КАРТИНКИ ИЗ ДЕТСТВА

Всё чётче мне помнится давнее,
Хоть годы сплелись за спиной,
Дороги сужаются дальние
И век замаячил иной...

Виденья из детства - что пряники:
Вечерний завис небосвод...
И дед мой сидит на завалинке,
А рядышком жмурится кот.

НАКАНУНЕ

Я узнаю тебя по улыбке,
По сиянию восторженных глаз.
Пусть ещё очертания зыбки,
Хороша ты без всяких прикрас...

Я твоё ощущаю дыханье
И предчувствую ночи без сна.
Знаю, даже заснеженной ранью
Я тебя распознаю, весна!

ЛЕДИ ОСЕНЬ

Осенних глаз небесное бездонье
И в лужах мокнут с ночи облака...
Не сосчитать корабликов спросонья:
Среди аллей дорога - что река.

Листва прощаясь кружит в хороводе,
Тревожит душу запах жухлых трав...
"Унылая пора" царит в природе,
Прохладой остужая пылкий нрав.

И пусть октябрь листвою заносит,
Твои целую руки, осень.

ОСЕННИЙ МИНОР

Умирает осень листопадом,
Саван - облетевшая листва...
Одиноким лист горя наградой,
Держится на дереве едва.

Встретимся ещё с тобою, осень.
Сохраню в душе твою красу.
Ветер-странник золото уносит
В потайные кладези в лесу.

ОСЕНЬ, ОСЕНЬ

Лист последний бабочкой кружится,
Замерла поникшая трава...
Утром иней на неё ложится,
Застывают мысли и слова.

На ноябрь давно смотрю я косо:
Видится былое - как во сне...
Осень состоит вся из вопросов
И на них уж не ответить мне.

РУСЛАН КОВАЛЬЧУК

Родился в 1987 году в Донецке. Пишет стихи, прозу, публицистику. С 2010 года обучается на факультете философии и религиоведения в ДонГУИиИИ. Представленные произведения публикуются впервые.

ЗА ЛАПОТКОМ ЛАПОТЬ

Не только лишь цветом душистым,
Да медом пахучим известна
В народе чудесная липа.
Мне все представляется вечер,

Когда в тусклом свете лампы
Качаются тени на стенах,
Когда подбирает на лапти
Ряд лыковых лент рукодельник.

Все чудится, как превращает
Кору лубяную он в обувь,
А сам тяжело вздыхает
О чем-то, листая былое.

О чем же его вздыханья?
О днях ли прожитых напрасно,
О первой любви ли, когда-то
Так греющей сердце ночами?

А может, старик вспоминает
О верном товарище детства,
Который погиб, защищая
Отчизну в пожарищах сечи?

Едва ли постигнуть смогу я
Его молчаливые думы.
За лапотком лапоть в избушке
Плетется и падает в угол.

МИЛАЯ СТЕПЬ

Степь моя милая,
Что тебе снится
Под одеялами
Зрелой пшеницы?
Чем переполнены
Зоркие мысли,
Ветром обвитые
Жарким и липким?
Видишь ли беды
Надёжного друга,
С ним разделяешь ли
Счастья минуты?
Сможешь утешить
Седыми полями
Бледной гречихи
Припадки печали?
Степь моя милая,
Кровью и потом
Предки суровые
Славили сон твой.
Может, поведаешь
Голосом зёрен,
В чём заключается
Счастье людское?

Кандидат филологических наук, доцент Горловского института иностранных языков ДГПУ, корреспондент газеты «Кочегарка», член горловского ЛИТО «Забой», автор текстов рок-группы «ГДЕ?» (<http://www.gdegroup.narod.ru>).

Н. ГОНЧАРОВ: ЧТОБЫ ПАМЯТЬ ЖИЛА

В июне 2012 года в Горловке вышла книга Н.Е. Гончарова «Живая память», в которую вошли воспоминания автора о горловском литературном движении 1950–х – 1960–х годов. Николай Ефремович Гончаров, ветеран Великой Отечественной, известный писатель и журналист, имеет к горловскому литдвижению самое непосредственное отношение: с 1950 по 1958 год он руководил литературным объединением при газете «Кочегарка», пройдя за это время в редакции путь от внештатного корреспондента и литработника отдела партийной жизни до заместителя главного редактора. Далее судьба увела автора по карьерной лестнице в Донецк и Москву, но память о литературной молодости и связь с земляками – литераторами до сих пор живы. Об этом свидетельствует и история данной публикации: рукопись была передана им из Москвы в редакцию «Кочегарки», откуда попала в литературное объединение «Забой» и вышла в виде книги мини-формата, как приложение к журналу «Пять стихий».

Написанные просто и лаконично, не лишённые некоторого ностальгического оттенка, воспоминания Н.Е. Гончарова вместе с тем отличаются высоким уровнем аналитики, концентрации затронутых проблем, точных оценок, литературных цитат. Они создают довольно полное представление о периоде в истории нашей литературы, живых свидетелей которого в Горловке почти не осталось, не говоря уже об отсутствии попыток его целенаправленного историко-литературного осмысления.

Проблема сохранения исторической памяти и преемственности поколений является стержневой в книге. Автор постоянно возвращается к идее литературного музея, работа над созданием которого в Горловке началась лишь недавно. В эпоху трагичных исторических перемен, по его мнению, в сознании горожан во многом утратилось представление о горловском литдвижении, как об уникальном явлении в истории советской литературы: «...я не знаю ни одного населённого пункта, – говорит автор, – воспитавшего за сравнительно короткий срок столько знаменитых писателей».

Затрагивает автор и проблему периодизации литературного процесса, говоря о поколении фронтовиков, возродивших литературную организацию в городе после войны и сейчас в большинстве почти позабытых, и о поколении «детей войны», пришедших в литературное объединение в хрущёвскую оттепель и составивших его костяк в 1970–х годах. Много благодарных строк посвящено в «Живой памяти» П. Беспощадному, Ю. Черному – Диденко, руководителям «Кочегарки» в 1950–х годах А.А. Эмилиту, И.Ф. Синько. Особый интерес вызывает история возвращения в

литературу имени Б. Котова, рукописи которого были чудом обнаружены и изданы при прямом участии Н.Е.Гончарова. Книга содержит ценные сведения о работе редакции «Кочегарки», особенностях организации литературного процесса в «классический» советский период «высокого» сталинизма и непосредственно после XX съезда, в частности, о влиянии на него местных органов госбезопасности, взаимоотношений с представителями областной и городской партийной номенклатуры. Чего стоит хотя бы трагикомичное описание конфликта между тогдашним первым секретарём горловского горкома С. В. Судейко и молодым ещё поэтом В. Демидовым, чуть не ставшего причиной серьёзных неприятностей для руководства «Кочегарки».

Обозначен в книге Н.Е.Гончарова и социологический аспект. Анализируя состав участников литобъединения, он подчёркивает их рабочее происхождение, говорит о неуёмном стремлении молодых литераторов к образованию и поэтическому совершенствованию, как о неотъемлемой составляющей писательского самосознания той эпохи: В. Демидов, Е.Гончаров, П. Омеляненко, Н. Домовитов, И. Костыря, Н. Титов, Н. Ткачук и другие получали образование в московском литературном институте, на высших литкурсах. Выделяет он и группу врачей, говоря о творческой судьбе В. Зеленского, И. Костыри. И машзаводчан Г. Мозолевского, О. Герасимова, А. Аляутдинова. Особое внимание уделено писателям–шахтёрам, из которых автор тепло вспоминает Е. Сердинова, А. Журмана, Н. Титова, А. Подмогильного, В. Назина. Николай Ефремович внимательно прослеживает творческий путь своих учеников, многих из которых трудовые дороги развели по всему СССР, не исключая и Москвы, и Киева. Впрочем, вызывает некоторое недоумение, что обходит бывший руководитель литобъединения вниманием и Л. Талалая, и В. Стуса, которых не мог не знать, и над этим фактом стоит поразмыслить...

Важно также, что в книге литературная жизнь Горловки показана в широком общесоюзном контексте. Н.Е.Гончаров вспоминает, что произведения горловчан публиковались в самых авторитетных союзных изданиях, включая «Литературную газету» и даже «Правду», и это вызвало настоящее паломничество в Горловку представителей литературных организаций других городов Донбасса, открывало для наших авторов двери издательств. Совместный литературный сборник был выпущен с московскими писателями объединения «Вальцовка» завода «Серп и молот». Посещали занятия литобъединения, по свидетельству автора, и украинские классики: В. Сосюра, А. Корнейчук, А. Головкин, С. Олейник, Л. Первомайский, Л. Вышеславский.

Симптоматичной особенностью авторского восприятия литературного процесса является практически полное отсутствие поэтико–стилевых оценок и обобщений, попыток оценить «за» и «против» художественных поисков и редакторской политики в литобъединении в контексте современных дискуссий об идейно–художественных доминантах соцреализма, шестидесятничества и постшестидесятничества. Впрочем, в Горловке, по видимому, этой проблемы никогда ещё никто и не ставил со времён, когда соцреализм являлся единственным возможным методом в советской литературе, так что всё впереди.

Хочется поблагодарить автора за очень увлекательное изложение ценных исторических сведений, которое, несомненно, стало важным шагом на пути дальнейшего целостного осмысления литературного прошлого Горловки, сохранения и развития литературных традиций.

АЛЕВТИНА ЕВСЮКОВА

Родилась 18.09.1945 г. Кемерово. Место проживания: город Севастополь. Член МСПУ (МСПС), КЛУ. Публиковалась более чем в тридцати сборниках, альманахах Крыма, Украины, России.

СКАЗАНИЕ О КЫР-ОР

Долгие столетия христиане, преследуемые гонениями враждебных племён, искали для себя убежища. Куда только не заносила их судьба: в пустыни и моря, в степи, леса и горы... Повсюду они испытывали жестокие лишения.

Но ни на миг они не отступали от веры в силы Всемогущего, указывающего свыше перстом своим направление их пути. И горек, и сладок был хлеб странников. Однако, они понимали – ничто в этом мире не происходит без воли Всевидящего. Они верили – он ведёт их к заветной цели, – пристани, где они обретут покой в обетованном мире.

Как давно это происходило – неизвестно, хотя и существуют мнения весьма противоречивого толка. Но, прибыв из дальних земель в Крым, защищённый лесными дебрями, скалистыми отрогами гор и бушующими волнами бурного моря, странники осознали, что нашли то, что из поколения в поколение мечтали найти. А край, не смотря на непроходимые чащи лесов и недоступные горы, был необыкновенно красив и богат птицей, зверем и рыбой, плодами, ягодами и грибами.

Но, мучимые в долговечных странствиях преследованиями врагов, как могли они оставаться беззаботными? И, не смотря на неприступность края, они, как и прежде, принялись устраивать свои жилища не только в живописных долинах, но и в скалах, вырубая в них галереи бесчисленных келий, залов, кладовых и других хозяйственных помещений, соединённых длинными лабиринтами проходов.

Их семейный уклад был крепок и надёжен. Преданность своей вере, к сородичам и близким, отличали их от представителей других племён, с которыми им приходилось сталкиваться. Любовь к Богу и забота о единоверцах, и их единение спасали этот народ от многих опасностей и истребления врагами.

С радостью в сердце люди облагораживали новые земли. Ещё краше стали девственные края от их неутомимых трудов. Были воздвигнуты дома и храм, мастерские и хозяйственные дворы, где они разводили скот и птицу. На равнинных плато и в долинах колосились злаки, наливались соками плоды деревьев, ягоды кустарников, вызревали гроздья винограда.

Постепенно край превращался в обетованный. В часы отдыха можно было услышать звуки дивной музыки и сладчайшее песнопение в созвучии с журчанием родниковой воды, с шелестом листвы и разноголосьем бесчисленного множества птиц, поющих свои хвалебные песни природе. Всем жителям края казалось, что они чувствуют дыхание самой любви во всём, что их окружало. И они неустанно славилы Бога в молитвах, понимая, что самим Богом благословенны их труд, терпение и плоды труда.

Может быть, и долго длился период их мирного труда и счастливого обитания, но, так же, как ясный день сменяют шторм или пыльная буря, так и жизнь обитателей этого края, становилась тревожней из-за набегов кочующих

племён. Людям вновь и вновь приходилось укреплять крепости и морские побережья, стараясь устраивать фортификационные работы так, чтобы побережье становилось неприступным. Даже бухты они изменили таким образом, чтобы в них не смогли бы проникнуть вражеские галеасы.

Но степная часть полуострова всё же оставалась слабо защищённой, какие бы усилия не прилагали жители края. Под действием пыльных бурь или грозových ливней валы, сооружённые ими, осыпались, оседали, а местами и вовсе выветривались.

Время шло, и участвовавшие набеги диких стай превратились для жителей края в суицид ад. Полчища врагов с каждым набегом становились многочисленней, а изнурённых от битв жителей становилось всё меньше и меньше. Большая часть из них пали в боях или были угнаны в плен. Враги разрушали города и малые поселения, жгли их, угоняя скот и выгапывая посевы. Горели сады, тутовые рощи и виноградники.

Горе поселилось в каждом доме, чудом уцелевшем. Люди впадали в отчаяние. Но сдаваться на милость кровожадных врагов они не хотели. Многолетние запасы, предусмотрительно накопленные в течении многих лет, были спрятаны в хранилищах подземелий. Понимая, что их ждёт полное истребление, они собрали совет. Отступить было некуда, и они решили замуровать себя в подземельях, которые они вырубали в скалах с давних времён.

При новом набеге татарские полчища с изумлением обнаружили опустевший край. Все дома, крепости и хозяйственные постройки исчезли – от них остались лишь руины. Сады, виноградники, поля и пастбища были выжжены. Как и люди, исчез и скот. А о сокровищах исчезнувшего народа и помина не было.

Никогда не боявшиеся, закалённые в боях захватчики на сей раз пришли в ужас. Свой скот и лошадей им нечем было кормить. Вода, в найденных ими источниках, оказалась отравленной или неведомо чем загрязнённой. Начались падёж скота и мор. Их не радовала столь нелепая и бессмысленная «победа», ничего не принёсшая им, кроме грозящего вымирания.

А когда в поисках исчезнувшего народа исследовали окрестности лесов, скал и пещеры, то, очутившись в одной из них, они содрогнулись от неожиданности. Им показалось, что где-то поблизости прячутся исчезнувшие жители опустевших поселений, которые в любой момент готовы напасть на них. Но как завоеватели не пыгались найти, как им казалось, затаившихся жителей, так пугающих их таинственными голосами, неведь откуда раздающимися, – им так и не удалось найти ни одной живой души.

Наконец, решив, что это место окружают души исчезнувших жителей края, захватчики стали думать, как умиловать их души, дабы не пробудить их мщению из рода в род. В их представлениях души славян обладали сорока устами, недостижимыми для них, как и все те сорок скал-крепостей, которые были разрушены исчезнувшим народом вместе с жильем обитателями.

Скала Кыр-Ор, что означает Сорок Крепостей, настораживала тюркских завоевателей своей таинственностью. Потому позднее они и не препятствовали переименованию скалы представителями караимской общины, поселившейся в её окрестностях. Кыр-Ор был переименован ими в Чуфут-Кале. И доньне в пещерах Чуфут-Кале многоголосое эхо завораживает слух гостей, посетивших это место, усилением звучания любых звуков и их собственных голосов.

ВАЛЕРИЯ КОВАЛЬСКАЯ

Родилась в Горловке. В этом году окончила общеобразовательную школу № 40 с углубленным изучением иностранных языков. Неоднократно участвовала и была призером городских литературных конкурсов. В 2011 году стала победителем международного конкурса «Книги строят мосты» в номинации «Мой любимый писатель, поэт», который мы представляем на страницах нашего журнала.

"БАЛЛАДА О НЕНАВИСТИ И ЛЮБВИ" ЭДУАРД АСАДОВ

(Эссе)

Может ли ненависть быть сильнее любви? Оба эти чувства захватывают целиком и полностью. Тело и рассудок. Но в чём же разница? Ненависть разрушает. Любовь – чувство, приносящее счастье и состояние эйфории. Ненависть – рывок, любовь – дистанция длинною во всю жизнь. Спортсмен старается как можно быстрее достигнуть финиша, получив при этом желаемый результат. Человека же, испытавшего любовь, захватывает сам процесс, сама дистанция. Любовь превозносит и, так же, заживо хоронит в самой глубине. Она ранит и, так же, лечит раны и сглаживает рубцы. Что бы это ни было – она велика. А что же это вообще такое, любовь? Любовь – это большое счастье и всепоглощающее горе, неземная надежда и череда серых будней, разбавленных хлопотами и обстоятельствами, добровольное самопожертвование и глупый самообман. У всего великого и неизвестного, как минимум, две стороны. Это как момент спора, в ожидании, что же выпадет: орёл или решка. Сопутствует ли этому только удача? Не совсем, ведь главное здесь всё – таки решаете вы сами. Именно вы выбираете орла или решку. Поэтому, именно вы вносите в ваше понимание любви свой, особый оттенок, отмечаемый лишь вашим взором. Конечно, это всего лишь мои мысли. Но ведь все идеи и суждения имеют право быть. Именно из них складывается своё, особое мировоззрение, ваша индивидуальность. Приходит ли это с жизненным опытом или же со страниц книг и журналов – не играет особой роли. Потому как вывод, так или иначе, у каждого будет свой.

Меня очень затронуло произведение Эдуарда Асадова "Баллада о ненависти и любви". На мой взгляд, в нём есть всё: и лёгкость написания, и глубина чувств, замечательная идея и её безукоризненная подача. Баллада начинается с трагического события – крушения самолёта, в котором буквально чудом остаётся жив пилот. В первых же строках можно заметить какую-то беспомощность и покорность перед обстоятельствами. Всё

списывается на погоду и состояние человека. Но что же на самом деле? Этот человек не столь искалечен физически, сколько морально. Иногда в жизни мы пускаем всё на самотёк и, в большинстве случаев, проигрываем из-за этого. И всё только потому, что заранее не верим в свои силы, мы не готовы бороться. Мы обманываем сами себя, таким способом пытаясь убежать от проблемы. Но проблемы просто сами по себе не уходят. Их не становится меньше. Они есть. Они ждут своего решения. И, поверьте, решение может быть не только отрицательным.

У главного героя баллады, вроде бы, всё есть: семья, друзья, работа, но всё же... наверное, всё слишком стабильно, слишком заурядно, привычно. Под гнётом обстоятельств, данных судьбой в качестве преград, которые он должен преодолеть, герой ломается, поступая при этом эгоистично. Сейчас он фаталист, но через минуту, услышав ужасную весть из уст любимой жены, он всё же соберётся и выдержит все испытания с гордостью. И хотя руководить им будет ненависть, выживет он именно из-за любви и заботы. Ведь где-то у окна стоит его сынишка, смотрящий сквозь пургу и метель. И он верит, что его папа вернётся, обнимет его и всё будет хорошо, как прежде. Вера сына, преданность отца и сильная любовь матери делает невозможное. Раненый, измученный пилот побеждает пургу и смерть. Почему я упомянула именно любовь жены пилота? Да потому что я поражена именно её силой и мужеством. Да-да, именно мужеством, как бы странно это не прозвучало. Она солгала мужу, тем самым даруя ему жизнь. Ведь именно после её пропитанных болью и одновременно невероятной любовью слов, лётчик решает жить и бороться. Ненависть переполняет его, а она только на это и рассчитывает. Рассчитывает, что он вернется, чтобы отомстить и уберечь сынишку от всех проблем, что создала его "неверная" супруга. Естественно, супруга не знает точно, поверит ли её любимый в её слова снова. Поймёт ли, что всё сказанное ей — ложь во имя спасения. Для неё сейчас главное, чтобы он выжил. Чтобы радовался жизни снова, вне зависимости с ней или без неё. Она идёт на этот смелый шаг и не зря.

Так же, не могу не отметить патриотизм, заложенный в этом произведении. Описываемому времени присущи выдержка, смелость и отвага. Люди готовы были жертвовать собой ради других. Одна жизнь взамен тысяч жизней. Именно так они жили. Не страшась смерти. Глядя смерти в лицо. Раздумывая над этим, я часто задавала себе вопрос: неужели такое возможно? Разве в наших силах решать кому жить, а кому погибнуть? Можно ли жить в счастье зная, что твой родной, любимый человек отдал жизнь за тебя и за благополучие и будущее остальных? Что страшнее: потерять признание на родине, или же подписать смертный приговор своей семье? Это сложная тема, и тут можно найти массу нюансов, которые будут склонять тебя в ту или иную сторону. Но что если такой выбор стал бы перед нами сейчас? Вероятно, пока для нас нет ничего важнее собственной жизни

– мы не сможем долго и упорно бороться. А что же изменилось с того времени? Скорее всего, изменилось отношение друг к другу. Конечно, я не могу говорить это с полной уверенностью, поскольку я не жила в те трудные годы, но мне кажется, раньше люди считали любого прохожего человеком близким, страна была домом, а все люди – большой дружной семьёй. Именно исходя из этого, можно сказать, что люди не задумываясь выбирали смерть, нежели предательство народу. Именно поэтому, не боялись погибнуть, зная, что их смерти не напрасны. Они были героями, которыми восхищалась и гордилась вся страна. И, согласитесь, не было ни одной другой страны, которая бы так как наша, славилась таким боевым духом. Он помогал выстоять в самых суровых сражениях с самым сильным противником и приносил нам победу.

Не стоит долго искать – одним из таких героев был сам автор баллады Эдуард Асадов. В годы Великой Отечественной войны, защищая свою родину, лейтенант Асадов на самом тяжелом участке дороги выпрыгнул из кабины, пошел вперёд, показывая водителю путь среди камней и воронок. За это он поплатился зрением, и был тяжело ранен осколками разорвавшегося снаряда. За этот подвиг Эдуард Асадов был награждён орденом Красной Звезды, а спустя некоторое время ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Асадов писал о беспощадной войне с фашистами и вечной войне с лицемерием, трусостью и ложью. Ничего не дается просто так. Счастье, любовь, дружба... всё это надо заслужить, за это надо бороться. Некоторые строки Асадова звучат как клятва. Клятва Родине и самому себе. Победить или умереть. Бескомпромиссно и жестко, и это заслуживает уважения. Каждое слово автора правдиво и точно. Его стихи далеко не рассуждения, это чувства, прежде всего. Чувства автора, которые поражают своей глубиной и искренностью. Это цепляет читателя, это трогает и заставляет его сопереживать. Но не стоит думать, что его стихи интересны лишь драматизмом. Ведь неотъемлемой чертой его поэзии есть оптимизм. Он помогает нам поверить во все привилегии жизни. И полобить её от начала и до конца. "Сражаюсь, верую, люблю" – такое название книги Асадова было пророческим. Эти слова стали в некотором смысле его жизненным кредо. Именно эти слова подчёркивают и проводят чёткую линию в теме его творчества. А закончить своё эссе я хотела бы словами С. Баруздина, сказанными о замечательном поэте, патриоте и просто великом человеке Эдуарде Асадове: "Как бы незримыми нитями, идущими от сердца к сердцу, связан поэт со своими читателями. Быть нужным людям, отдавать им всего себя без остатка, бороться за то, чтобы жизнь стала ещё справедливой, радостней и прекрасней, – в этом видит писатель смысл своей жизни, свое назначение, свое счастье".

ЮРИЙ ПОЛИССКИЙ

Родился в 1938 году в городе Днепропетровск. Окончил Днепропетровский металлургический институт, аспирантуру Московского института радиотехники, электроники и автоматики. Там же в 1973 году защитил диссертацию. Заслуженный изобретатель Украины, доктор философии в области техники, академик Международной академии авторов научных открытий и изобретений.

Член Межрегионального Союза писателей Украины.

У НАС БЫЛА ВЕЛИКАЯ ЭПОХА!

«Мы присутствуем при величайшем открытии современности, которое совершит революцию в технике»

(Из выступления академика А.И.Берга на защите М.А.Гавриловым докторской диссертации, 1946г.)

Если современные молодые люди – в большинстве своем компьютерные гении – откроют «Краткий философский словарь» за 1954 год, то с неподдельным изумлением узнают, что кибернетика в то время трактовалась как реакционная буржуазная лжетеория, предельно враждебная народу и науке. Для нынешнего поколения это просто еще один символ глупости тоталитарного режима, основанного на страхе, но в то время выступить сторонником такой теории было равносильно самоубийству. И всё же . . .

В начале 1940–х годов заведующий лабораторией Института автоматики и телемеханики АН СССР, кандидат наук Михаил Александрович Гаврилов, имея богатейший опыт работы в «Мосэнерго», и уже тогда осознавший острую потребность в устройствах автоматики и телемеханики, приступает к созданию научной методики проектирования релейно–контактных схем, строившихся в то

время эвристически. В этой работе ученый впервые выдвинул и блестяще обосновал идею о том, что многие инженерные задачи анализа и синтеза схем дискретной автоматики можно решать формальными методами, используя для этого аппарат математической логики. Необычность такого подхода, подтвержденная полученными результатами, поражает. Оказывается, существует тесная связь между продуктом человеческого мышления и схемами автоматики, построенными на обычных реле.

1946 год. Идет защита докторской диссертации «Теория релейных устройств» будущим членом–корреспондентом Академии наук СССР Михаилом Александровичем Гавриловым. Защита вызывает эффект разорвавшейся бомбы. За выдвинутую и обоснованную им крамольную по тем временам идею М.А. Гаврилова обвиняют в идеализме, в попытке протащить в советскую науку чуждые ей идеи. И лишь незаурядное мужество и уверенность в правильности выбранного пути помогли ученому выстоять. Эти же качества пригодились и впоследствии, когда в нелегких условиях создавалось новое научное направление, ставшее основой технической кибернетики, из недр которой выросла современная информатика.

Из статьи «Михаил Александрович Гаврилов (к 100–летию со дня рождения)», опубликованной в журнале «Проблемы управления» №4, 2003: «О защите докторской диссертации Михаила Александровича и по сей день ходят легенды. По рассказу М.И.Карлинской, она длилась 8 часов, выступали философ С.В.Яновская и логик С.П.Новиков, была группа недоброжелателей — инженеров–практиков из Ленинграда, но чашу весов в пользу Михаила Александровича склонил академик А.И.Берг: «Мы присутствуем при величайшем открытии современности, которое совершит революцию в технике».

Результаты исследований М.А.Гаврилов подытожил в своей классической монографии «Теория релейно–контактных схем» (1950г.) – первой в мировой науке книге, посвященной логическим методам анализа и синтеза схем, впоследствии переведённой на многие языки мира.

В 1958 году за развитие теории направленного поиска минимальных реализаций релейных устройств автоматики, методов их расчета и принципов построения Президиум АН СССР присудил М.А.Гаврилову премию им.П.Н.Яблочкова, а в 1963г. Михаил Александрович избирается членом–корреспондентом АН СССР по теории управления.

Можно считать, что научная жизнь состоялась, если в двадцатом веке ученому удастся стать открывателем нового направления. Великому ученому Михаилу Александровичу Гаврилову повезло: он открыл новую область – теорию логического синтеза дискретных устройств, став, таким образом, родоначальником технической кибернетики в СССР.

В последующие годы М.А.Гаврилов работал над созданием формальных методов автоматизированного проектирования дискретных управляющих устройств.

Человек незаурядных способностей, Михаил Александрович Гаврилов, внес огромный вклад в развитие исследований в области технической кибернетики. Он воспитал целую плеяду ученых, достигших высоких результатов в ряде направлений прикладных кибернетических исследований. Наконец, им создана продуктивная научная школа по теории релейных устройств и конечных автоматов, носящая сейчас его имя, заслужившая признание во всем мире.

В профессиональной жизни мне выпала большая удача: я был аспирантом М.А.Гаврилова, под его руководством выполнил и защитил на ученом совете Московского института радиотехники, электроники и автоматики кандидатскую диссертацию. Михаил Александрович был великим ученым и великой личностью. Хочу отметить его научную чистоплотность. К моменту поступления в аспирантуру я имел негативный, увы, опыт подготовки публикаций в своем НИИ, когда система вынуждала вписывать соавторами цепочку не имеющих практически никакого отношения к выполненной разработке начальников. Став аспирантом, я решил выяснить, как решается этот вопрос в руководимом М.А.Гавриловым отделе. Каково же было мое удивление, когда я услышал, что Михаил Александрович никогда не включает себя в число авторов, если им не выполнена определяющая часть работы. Так, например, у меня нет с ним ни одной совместной работы, хотя очень хотелось увидеть свою фамилию рядом с фамилией великого ученого М.А.Гаврилова.

Михаил Александрович работал с аспирантами дома. Через день я приходил к нему с определенным блоком выполненных исследований, и каждый элемент этого блока тщательно обсуждался. Если же я не был согласен с замечаниями учителя, он весьма тактично предлагал как можно серьезней поработать над ними. Таких случаев было три или четыре, и, сознаюсь, во всех этих случаях Михаил Александрович оказался прав.

Вспоминаю аспирантские годы в загадочной и прекрасной Москве, как самый светлый период жизни.

Об этом я попытался рассказать в своем стихотворении:

«Москва»

На недолго, на немного
пролегла моя дорога
по Москве шестидесятих
аспирантских давних лет.

ПЯТЬ СТИХИЙ

Под колючим летним градом,
под осенним листопадом,
от рассвета до заката,
день за днем искал ответ,

в чем магическая сила,
что меня в те дни водила
по холодным перекресткам
растворившихся времен?

Где казалось все реальным,
как в спектакле театральном.
И бродил я по подмосткам
вне пространства, вне имен.

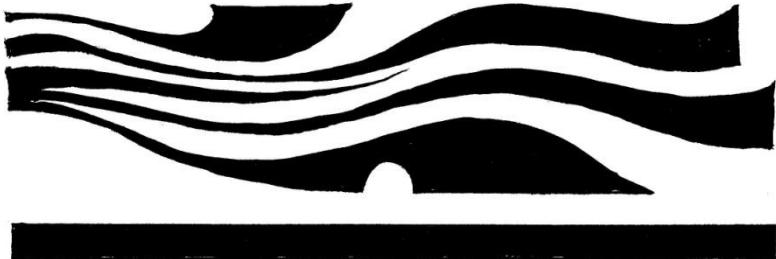
За колючим летним градом,
за осенним листопадом
в невозвратности пропали
годы, люди и слова.

Но осталась тайной вечной,
как не снятый спазм сердечный,
в аспирантской давней дали
неразгаданной Москва.

Мы – многочисленные ученики М.А.Гаврилова за глаза называли его МАГОм – по первым буквам имени, фамилии и отчества. Он и в самом деле был маг, которому в науке подвластно было всё. Со временем это слово превратилось в его второе имя.

Каждый человек, посвятивший себя науке, достигает тех или иных высот, официально подтвержденных определенными званиями. Но самым высоким для себя званием считаю «Ученик МАГа».

«У нас была Великая эпоха!».

НАТАЛІЯ КОВАЛЬСЬКА

Народилася у місті Горлівка. Закінчила середню школу № 76 з поглибленим вивченням англійської мови, потім Дніпропетровський хіміко-технологічний університет, потім - Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов, де в даний час і працює. Член літературного об'єднання «Забой». Друкувалась у збірках, альманахах та журналах України, Росії, Австралії. Автор поетичних збірок «Акварель» та «Осенний дом».

КОЛИСКОВА

Люлі-люлі. Спи, маленька!
Засинай, моя рідненька!
Вже настала ніч.
Сонце спить – закрило очі.
У саду цвіркун цвіркоче.
Скочив кіт на піч.

Батько спить і старший братик.
Завтра рано всім вставати.
Треба відпочити.
Сплять хмарки на небосхилі.
Сни їм сняться – любі, милі:
Ранішня блакить.

Спить пустун весняний вітер.
Сплять дерева, трава, квіти,
Бджілки і хрущі.
Тихо сплять лани безкраї,
Сплять річки та водограї,
Райдуги й дощі.

Міцно зайчик спить, лисичка.
Гусі сплять біля водички.
Спить давно ведмідь.
Тільки сич не хоче спати:

Сів на вишні біля хати –
Слуха, хто не спить.

Тільки нам оте – байдуже.
Хай собі над лісом кружить
Та летить в гніздо.
Хай не дивиться у вікна!
Всі вже сплять – у хаті тихо.
Не шумить ніхто.

Спить моя маленька донька.
Щічку вклала на долоньку.
Спи, моє дитя!
Люлі-люлі, баю-баю!
Хай тебе оберігає
Янгол все життя!

* * *

Люди казали: ти той, з ким так легко пропасти.
В очі дивитись неможна – бо вир то глибокий.
Маєш талант (може, вирок?): ламати і красти
Долі і душі жінок, як весна, світлооких.

Я не боюся, бо я маю чорнії очі.
Тільки навіщо ідеш сам на зустріч зі мною?
Мабуть, казали тобі і про мене пророче:
«Ти бережися! Ніхто перед нею не встояв».

СВІТЛО ОСЕНІ

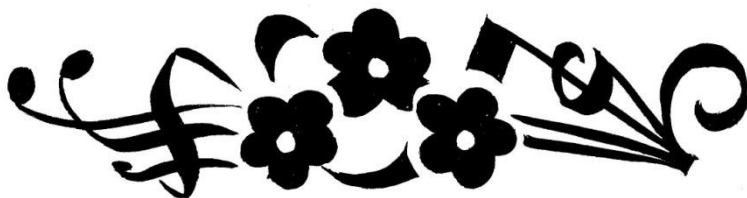
Осінь стука у вікно –
Гість небажаний.
Відчиняти все одно,
Бо ображу я
Пані в шатах дорогих
З повним кошиком,

Що ступила на поріг
З тихим дощиком.

Відчиняти? Де ж воно
Літо ділося?
Відшуміло, як вино...
Не судилося
Бути в парі довго нам.
Швидко сплинуло.
Пісня – більше не луна...
В чому винна я?!

Чи кохання – гріх тяжкий?
Чом розплачуюсь?
Щастя мить, а не роки.
Гірко плачу я.
Мабуть винна, бо себе
Всю розтратила.
Чом я небо голубе
В бурях бачила?

Осінь! Ти мені пробач,
Що не квапилась
Відчиняти. І не плач –
Ти права була:
Час для спокою настав
Та для роздумів.
День прийдешній запалав
Світлом осені.

ТАРАС КУШНІР

Народився 22 серпня 1981 року у місті Львові, працює доцентом у Львівському національному університеті ім. Івана Франка. Публікувався в журналах «Україна», «Слобожанщина», «Українська культура», «Літературний Чернігів», «Дзвін», «Далекосхідна хвиля», «Склянка часу», «Мистецькі грані», «Бористен», «Антології сучасної новелістики та лірики України – 2011», альманахах «Urbis et vicus», «Periculum», «Скіфія-2012 Весна», «Lithium», «Ліра», газетах «O Lavrador» («Хлібороб» (Бразилія)) та «Кримська світлиця». У 2005 році вийшла книга поезій «Еліксир для глузду», у 2011 – книга поезій «Скрип».

ПІД НАМЕТАМИ ПЛОЩ

* * *

Дихаєш... Осінньою травою,
Пахощами пожовтілих днів.
Стомлена одвічною весною,
в невідлетних магіях дощів.

Дихаєш... Відхолоділий жовтень
стеле листя під коліна мрій.
Але в грудях стукає щось: - Осінь.
А у серці: сльози... Смюток... Гріх...

* * *

Алеями... Під ноги шурхіт листя
дарує смюток подиху дзеркал.
Холодним днем так привітає місто
і дасть запрошення на мармуровий бал.

А двоє йдуть, побравшись за руки,
у схронах кленів, крізь осінню млу...

П'ЯТЬ СТИХІЙ

Вже десь писав: «Мольберти... Ноти... Звуки...»
І спокій осені в пожовклому саду.

Осіння злива... На бетонних стінах
побляклі тіні, виноградний дощ...
В полоні кленів й календарних ліній
ступали двоє під намети площ...

* * *

*Ну от і все. Здається все.
Останній лист, останнє слово.*
Михайло Кушнір

Коли осінь самотньо заходить, постукавши в двері,
Коли тліюча зірка ховається десь за карниз,
Нам бракує удвох ще ніким не зігрітого неба,
Щоб здійснити останній тобою забутий каприз.

Коли осінь тривожно закриє, виходячи, двері,
Прохолода долонь не остудить зітхання душі.
Ще бракує комусь того нами зігрітого неба.
От і все, що здавалось... Від сьогодні навіки чужі.

* * *

Я без тебе ніхто... В моїм серці тьмяніють ікони,
коли вечір за шторами закрадається в сіре вікно,
коли губи мовчать, коли знову здригаються скроні.
Кожну мить, що один. Я без тебе... Без тебе ніхто.

У полоні дощу, в срібних краплях невидимих кроків.
Не роз'єднують руки під незримі мелодії площ.
Я люблю тебе... Чуєш, як очей доторкатиме осінь,
як невидима постать підставляє обличчя під дощ.

* * *

Стихнуть грози, спрагло чекаючи вітру,
Дрімотної полегкості твоїх слів.
Вибач, але вигуки «Гірко»
Не для нас свого часу народить Львів.

Сотні авт розірвуть цю незриму стрічку самотності,
Я сховаюся в натовпі від до болю набридлих облич.
Під очима твоїми ледь відчутна примара вогкості,
Десь зникає таксі у ніким не сполохану ніч.

* * *

Посміхається небо
тим, хто дивиться в очі примарі,
тим, хто схований в світлі
того сонця, що мріє з небес,
а опівночі лиш
по одній розпадаються пари,
і прощається небо
з тими, хто вперше воскрес.

* * *

І знов перечитую поживклі сторінки книги,
детально вслухаючись у кожної літери звук.
Палаючі сопки і скупчення дикої криги,
і вічних матерій такий неперерваний рух.

Гортаю сторінки у світлі нічної лампадки,
пливуть кораблі по таких півпорожніх степах.
Лиш душу мою розтривожує знічена згадка
про мрію колишню, зігріту в дитячих руках.

* * *

Розіп'яте сонце на стелі,
Розіп'ятий Христос на стіні.
Ти одна на червоній постелі,
Ти одна на чужій війні.

І годинна стрілка сповзає
в неминучу холодну ніч.
Ти сама, ніби в теніс граєш.
Може, в теніс, а, може, й ні.

Ще ввижаються сірі тіні,
Одинокі такі й сумні,
Що під музику Паганіні
Витанцьовують па на склі.

Кольорові мінорні гамми,
Як сповільнені кадри кіно.
І тобі, якщо тільки між нами,
Вже давно усе все-одно, -

Як щоденно вкорочує сонце
і без того короткі дні,
Як хтось дивиться без емоцій
в твої очі пусті й сумні,

Як блукають по небу хмари,
загубивши хвилинам лік,
і ввижаються лиш примари,
неминуче старі й малі...

Намальоване сонце на небі,
Зачарований ним Христос.
Бо комусь цього світу треба.
Не назавжди... На мить... На щось...

НАТАЛІЯ НАУМЕНКО

Народилася 1 січня 1976 року в Києві. Закінчила Національний Університет "Києво-Могилянська академія". Працює на кафедрі українознавства Національного університету харчових технологій. Автор книги «Розмарин».

ЯБЛУКА

Ввійди в обсерваторію садів
І на планету яблука поглянь:
Це ж неосяжний простір відкриттів,
Земля віршів і море замовлянь.

Осінній різнобарвний маскарад,
Який дано побачити не всім, –
Ти намалюй на полотні цей сад,
А я про нього віршами повім.

За яблуком сховався сонця зблиск.
Там неба синь і жовтизна садів
В одну вогнисту паралель злились, –
Ледь-ледь на ній угадується спів...

КІТ

І срібла тон, і темінь хмари грозової,
Й туману містика в ранковому розвої,
Коли тіль-тіль благословляється на світ, –
Всю гаму сірого являє сірий кіт.

І – диво з див – бурштин у срібляній оправі,
У хмарі – блискавки сяйні та величаві,
І сонце – крізь туман, і блиск його – в воді, –
Розплющив очі кіт. І світ змінився тоді.

КІШКА

Осінній день – на спад. Ще листя не палили,
А перший сніг – лежить. Жовтогаряче й біле, –
Мов дивний острівець, омитий молоком,
Де чорний стовбур височіє маяком.
Заждіть! А може, це – трикольорова кішка
У листі мідному попід сніжком принишкла?
Дивіться – так і є! Звичайно, це ж вона –
Така потайлива, граційна й чарівна,
Мов названа сестра міжзоряного Лева.
Закохана у сніг, у листя та дерева,
Шанує лірику – і, ніде діти правди,
Так, як і всі жінки, обожнює смарагди.

* * *

Було –
на початку –
Слово.
Те слово було –
Душа.
Душа,
що природу зимову
До нової весни
воскреша,
Душа,
що народжує пісню,
Душа,
що вчиться і вчить,
Душа,
що Думкою зблисне
У мить,
коли Слово
мовчить;

Душа –
 володіє секретом
Прозорим,
 мов весен лет:
Коли Вчитель стає
 поетом,
То вчителем стане –
 Поет.

ГЛІНТВЕЙН ДЛЯ ЗАКОХАНИХ

Ми чекали ранку, ранку весняного, –
Але раптом снігом замело дорогу.
Холоди убрали наші сосни в іній,
А кущі бузкові – царство білих скіній.
Що врятує весну? Лиш вино багряне –
Мов любов, гаряче, мов причастя, пряне.
Ти налив у склянку теплою кагору –
Пагін світанковий потягнувсь угору;
Скибочку лимона опустив у склянку –
Місяць-виночерпій зачерпнув світанку;
Тут імбир, гвоздика, яблуко, кориця, –
Не пристало серцю холодам кориться!
Келишки глінтвейну ставиш ти на землю –
І мене в обіймах крутиш каруселлю;
Раптом – опустились сніжно-білі крила...
То вино гаряче диво сотворило:
Станув сніг на гірці – вдаль струмком повився,
На галяві чорній пролісок з'явився,
Далі – другий, третій... Жовті первоцвіти,
І кущі з-під снігу вийшли бузковіти,
Інею серпанок опадає з сосен,
І шовки струмують із небесних кросен,
Квіти розцвітають – поглядають мило:
То вино? – чи серце? – їх від чар звільнило...

ОСІННЯ РОМАНІВКА

*У пучок останні квіти зв'яжем,
Що морозом називають їх...
– Максим Рильський*

Опало листя з груші на межу.
Опало листя – а плоди лишились:
Між голим віттям ліхтарі китайські, –
Мов жовтень нас запрошує на чай.
Завмерла чапля серед комишів,
А тінь її поволі рухається колом,
Бо ж сонце йде. Химерний цей годинник
Нам відміряє час відвідин.
Вечоріє.
На чорнобривцях – запізнілі бджоли.
Метеликам – барвистим адміралам –
Майори-квіти: «Зичимо здоров'я!»

Хай дехто ганить складноцвітих рід
За аромат пряний і різкуватий, –
Та в них не можна не відчутти шарму
Осінніх днів останнього тепла,
Настояного на вині червонім,
Очищеного яблуками й медом.

Ось цвіт – мороз, не зв'язаний пучком,
А вибуялий синім живоплотом:
Морозник, як зовуть його учені,
В нім панацею бачачи від бід
За те, що здатен він цвісти і взимку,
Чи – «морозець», як зве простий народ:
Ромашки, та не білі, а лілові, –
На них ворожать: холодно – чи тепло.

Ось яблуня танцює боса-нову,
Почувши чийсь мобільний телефон,

Залишений під деревом, у листі.
А власниця хоч чує, та не йде:
Здаля їй видно – дзвоник анонімний.
Всі друзі – тут. Хай яблуня танцює...

Все розмаїття теплих кольорів –
У гамі кленів. Лиш один листок –
Палітра для художника-мисливця:
Із неї б фарби взяти й приманити
Жар-птицю! Та, забравши лиш перо,
Із миром відпустить її у вирій, –
Нехай летить! За те, на знак подяки,
Пришле для всіх жаданого гінця:
Натхнення, вбране в дикий виноград.

ВИШИВАННЯ ІКОНИ

У скриньці переплутались нитки,
Залишені на вишивку ікони.
Розплутати – непросто. Не з руки.
Канва вже жде на барокові тони.

А тони – в танець! Чорне з золотим,
Зелене в білість корені пустило,
І вже бракує кольорів та й рим,
Щоб серце їх у образ умістило.

А ті нитки, злетівши в синю вись,
Вінком для Богородиці сплелись
І з рук її звисають омофором;

Пшеничним полем стелеться канва...
Лиш плетиво ниток ти бачиш зором,
А в серці зріють золоті слова.

КАТЕРИНА РОМАЩУК

Народилася у 1985 р. в місті Горлівка. Член Конгресу літераторів України, Горлівського літературного об'єднання "Забой" і донбаського літературного об'єднання «Стражи весны». Заочно навчається на українському відділенні ГДПІІМ. Публікувалася в міжнародних альманахах «Межиріччя», «Слов'янські дзвони», журналах «Донбас», «Лава», «Хортиця», «Страна Озарение». Учасниця з'їзду молодих літераторів Донбасу – «Слов'янськ – 2008». Автор поетичної збірки «Рассвет».

ВЕРБА

Тягнулася верба до мене,
Так потребуючи тепла,
І так відкрито та душевно
Про себе все розповіла.

Розповіла, як посадили
Дівочі рученьки її,
І як птахи, зложивши крила,
Співали про чужі краї.

Як виросла названа мати...
Про це також розповіла.
Мов пташка, вилетіла з хати,
Дівчина і в життя пішла.

Ніхто вже більше не приходив,
А тиша - "приятелька" зла,
І, щоб не втратити нагоди,
Верба про все розповіла.

Розповіла, як дощ холодний
Безмилосердно листя б'є,
І вітер, наче звір голодний,
Її життєву силу п'є.

Розповіла, як майже зникла
Надія, що прийде весна
І що до всього вона звикла,
Але самотність так страшна...

Тягнулась верба, наче мати,
Перед очима проплила...
А я соромилась казати,
Що я тією і була.

МАЙБУТНЄ

Майбутнє починається не завтра,
Воно вже ходить біля нас давно.
Нас не питає, чи його ми варті?
Воно одвічно зріє, як вино.

Воно горланить криком немовляти
І втілюється мріями людей.
Воно росте калиною близь хати
І розмовляє мовою дітей.

Майбутнє вже живе. Воно існує
У наших поглядах, думках або словах.
Воно і плаче з нами, і жартує,
І виграє надією в очах.

Майбутньому нема кінця і краю,
Воно не вмре від погляду зими.
Як вічні хліб чи спів птахів у гаю,
Майбутнє вічне, бо воно – це ми.

КАЛИНА

Зачервоніла, розцвіла калина,
Як промінь сонця серед сірих хмар.
Це символ самотійної країни,
Якої дух ніхто ще не злавав.

ЖУРАВЛИНА ЗГРАЯ

Журавлина відносила зграя
Відчайдушність моєї надії.
І тепер безнадійністю грає
Моє серце і всі мої мрії.

Відносила далеко... Назавжди.
Не помітивши щирого болю.
І кричали птахи так протяжно:
«Повернемось до тебе... По долю...»

ТРАВНЕВИЙ ДОЩ

Травневий дощ наспівував сонату.
Ніхто не чув. Я чула лиш одна ,
Бо серце переповнила весна,
Навчив мене по-справжньому кохати.

Я чула спів, і музику, і сміх...
Закохана. Байдужа до проблем...
Незрозумілою залишившись для всіх,
Танцюючою з проливним дощем.

ЛИСТЯ

Вже черга осені прийшла
З холодним та похмурим днем.
Немилосердна, люта, зла
На листя падала дощем.
 Утративши останній шанс
 На пестування теплих днів,
 Тремтіли листя, мов душа,
 Що змерзла від байдужих слів.
І листя, зражені теплом
Були до жовтизни сумні.
І як же боляче було
Зриватися у прірву снів...

ОЛЬГА ВЕНЦЕЛЬ

Родилась в городе Константиновка. Учится в ГГПИИЯ, факультет славянских и германских языков (5 курс). Начала писать с 9 лет (рассказы). После длительного перерыва стала писать уже будучи студенткой Горловского Иняза. Пишет стихи, а также прозу. Кроме литературы и изобразительного искусства, увлекается музыкой. Закончила Константиновскую школу искусств по классу фортепиано и аккордеона. Член сетевого лито «Стражи весны». Публиковалась в альманахе «Вольные стражи весны».

*«...Я усну в своем
Кукольном домике,
Слушая голубые,
Мягкие пластинки»*

Песня «Голубые мягкие пластинки»,
группа Fleur (г. Одесса)

...Тихая, спокойная жизнь в маленьком домике, крошечном, уютном. Безопасном. И тепленьком-тепленьком. Ты сидишь в креслице с пушистым пледиком и маленькой чашкой какао. Пахучие от жара хрустящие печеньки лежат на маленьком подносике. Беленькая кошечка дремлет у тебя на коленках. Маленький камин пылает с тихим потрескиванием. Его музыка убаюкивает, поет колыбельную. Но спать не хочется. Нежишься в кресле, в блаженстве потягиваешься, и невольная улыбка незнания и неискренности появляется на губах.

Ты – маленькая девочка, счастливая от неведения, что есть другой мир. Но он скоро к тебе ворвется... Хотя ты об этом еще не знаешь. Таинственное ворчание у двери... Перешептывание листьев за окном... Не слышишь? А ведь это он, этот другой мир. Он поджидает тебя. Кошка, услышав неслышное присутствие его, мякнула в тревоге и спрыгнула на ковер. А ты поднимаешься иходишь к окну: теперь ты видишь его присутствие.

Зачем ты узнала его, этот мир?! Он лучше... Он больше твоей уютной комнатки. Он нравится тебе!

Ты оглядываешь свой уединенный уголок-рай и видишь: он распадается, рушится безропотно и безнадежно. Спаси его! – молит тлеющий плед. Спаси, пока не поздно! – звенит треснувшая чашка с остывшим какао.

Но свежий ветер манит к себе – и ты тянешься к нему, обжигая до боли свою нежную кожу.

ТУМАН

Самая отвратительная погода – это туман. Он подползает аккуратно, подкрадываясь неслышно и деликатно. Особых изменений в природе не намечается. Ну, разве что как-то мерзко становится. Будто бы облака с неба опустились на землю, растаяли и наполнили воздух слизко-водяной эмульсией.

Да, мерзко, отвратительно. Вся природа вокруг, дома, машины и даже люди – все приуныло, потускнело, потеряло свои естественные краски. Все превратилось в призраков – бестелесных, безмолвных и бледных.

Но и в такую погоду нужно выходить на улицу, пересилив себя. Выйдешь – и попадешь в неживой мир, наполненный одним туманом. Становится как-то не по себе. Да и идти трудновато. Все, кажется: что-то сдерживает твои движения, подавляя в тебе ритм, скорость, уверенность, дыхание...

Туман мягкой, но настойчиво-мертвой рукой, давит на тебя, на твое сознание. И тебе остается только одно: не думая о нем, не переставать идти далее. Но... чем дальше ты идешь, тем слаще кажется твой путь. Ты уже забываешь и о неуверенности, и о скованности движений. Тебе уже действительно нравится твоя зависимость от призрачного тумана. Ты в сладком бреде.... Это похоже на сон в лесу в морозную, зимнюю ночь, когда для тебя уже никогда не настанет утро нового дня...

Но туман не может быть вечным: он имеет свойство рассеиваться. И все краски жизни снова заискрятся на твоих глазах: люди оживут; серьезные, задумчивые дома будут поблескивать стеклами окон; машины деловито помчатся по дорогам, подмигивая фарами.

Твоя походка снова станет легкой. Вернется и уверенность, и ритм, и скорость, и дыхание...

Но не будешь ли ты тосковать в глубине души о проклятом призрачном тумане? Ведь сладость его яда все же отравила тебя.

...Рабство или свобода? Уверенность или зависимость? На эти вопросы можешь ответить только ты.

Улететь бы далеко-далеко! Спорхнуть крыльями – и оказаться где-то среди скал и моря...

Там, в том далеком краю, живет только ветер и дикие птицы, что кричат, с тревогой глядя на море. Мне там было бы спокойно. И совсем не страшно. Я не боюсь могучих волн, мне не страшны обрывы и короткая жесткая трава. Там я смогу обрести – наконец – покой...

Легкий бриз, что повеет свежестью с моря, унесет все суетные мысли – и дух станет свободным. Я и сама стану этим духом – бестелесным светлым существом. Внизу – шумящее, теплое море – родная стихия, а вверх – манящая ввысь неба...

Теснота комнаты, такой душной и неживой, кажется, влияет на твою волю, всячески сдавливая виски всеми четырьмя стенами. Стоячий воздух и ощущение *постоянства* вводит в мучительную нирвану и нескончаемый невыносимый бред. Свежий воздух не оживляет затхлости и пустоты, а свет не может прогнать видений прошлого. Все так нестерпимо неестественно и неизменно, что ты не в силах порвать нити постоянной *идеальности*, согнуть надменную осанку *правильности*.

Остается лишь хлопнуть дверью, что есть силы, так, чтоб все стекла зазвенели и ударить громом тяжелого металла по стенам так, чтоб те зашатались. Может, хоть это разбудит эту равнодушно спящую комнату?!

Все проходит мимо и сквозь меня. Вчерашние друзья уходят в туман, бывлые чувства рассеиваются и пропадают бесследно. А я иду все вперед и вперед. Прекрасно ведь! Но... Иногда смотрю по обеим сторонам, а там нет никого, с кем можно было бы поделиться впечатлениями от погоды, природы, людей, событий. Одна...

А ведь так еще недавно верила, что именно *этот* человек не оступится, не отвернется, не уйдет. Так всегда... И что же остается при мне? Я сама.

Но кто-то догоняет ... нет, уже поравнялся со мной!.. Как?! К тому же нам еще и по пути? Отлично! Я – поэт, а вы? Блуждающий путник? Ну, что ж пошли, у нас с вами одна дорога.

ПЯТЬ СТИХИЙ

ТЕТЯНА КРИВЕНКО

Народилася у 1984 року у місті Києві, навчалася у Київському національному економічному університеті. Працює заступником головного бухгалтера в будівельній компанії. Перший твір був надрукований в чотирнадцять років в міській шкільній газеті. Учасник мережевої організації «Незалежна організація письменників України».

КОЛИ ЇЙ БУЛО БОЛЯЧЕ

Коли їй було боляче, вона сідала за роботу. Щоб не збожеволіти, вона все більше і більше працювала. Хтось казав – сильна жінка, а вона про себе думала – нещасна жінка. Для того, щоб забути свій біль, образу, самотність, Євсенія намагалася весь час бути чимось зайнятою. Неважливо чим, головне – було не думати про те, що ось уже майже два роки вона всім бреше. Її брехня була для неї самої огидною, коли вона починала замислюватися над тим, що коїть – її починало нудити, в животі дуже пекло, в горлі так пересихало, що неможливо було проковтнути свій біль. Цей біль був до безмежжя безкраїм, його неможливо було заглушити чаркою текили за чотириста одинадцять доларів, привезеної з Мексики. Він панував в її погляді, рухах, думках – він перемагав її, а вона була такою сильною. Раніше, раніше була сильною.

Чи доводилось вам колись вбивати? Ні, не фізично. Чи доводилося вам колись вбивати кохання? Мабуть, вісім з десяти відповідь: так. От і вона вбила своє кохання, а разом і життя, своє і його.

В дитинстві її ніхто не хвалив, не казав, що вона розумна, гарна дівчинка – батьки були заклопотані іншим. В чотири роки вона вже зі стільчика з одним великим білим бантом на голові декламувала „Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик”. Трохи пізніше – читала буквар, а потім, і першу книжку „Алые паруса”, в сільському книжковому магазині просто було неможливо щось купити нахштальт „Дюймовочки” або „Гуси-лебіді”, тому дитина не мала вибору, як читати тільки те, що було. Ще тоді вона зрозуміла, що якимось чином все не по-справжньому. Дівчинка Асоль, хлопчик Грей, цей корабель з полум'яними вітрилами і вся ця неймовірна історія із своїми трагедіями та радостями першого кохання, справжнього кохання. Сусідські діти не розуміли, коли вона замість того, щоб піти на річку – читала чергову неймовірну історію. Ще тоді ніхто не міг зрозуміти її внутрішній світ, його красу та тендітність. В дитинстві вона була слухняною дівчинкою, так вважала вона. А батьки, навпаки, весь час казали, яку примхливу дитину послало їм небо. Так, саме небо, а не Господь. Адже в радянські часи ніхто не вірив в Бога, тоді мало хто в що вірив, навіть батьки не вірили, що те маленьке створіння, яке з'явилося у них на світ, зможе щось зробити більше, ніж змогли вони.

А дитинча росло з великими амбіціями та сильним характером. Тільки тоді, пізніше, цей характер зламає все. Все, що будували амбіції та сила волі. Чи

здогадувалася вона в школі, коли не хотіла вчити математики, що вона їй набридне за весь час навчання в університеті на економічному факультеті. Чи здогадувалася вона про те, що перефарбує своє сіро-каштанове волосся в попільняний колір, коли казала, що не розуміє блондинок. Чи здогадувалася вона про те, що буде самотньою і розтоптанною життям, коли питала у мами, чому її подруга не хоче народити дитинку. Тоді вона ще просто не могла зрозуміти, що кожна жінка хоче цього в першу чергу – це її призначення в цьому житті. Так, всі ми зараз сильні та стильні леді, але кожного разу, коли бачимо, як гуляє молода сім'я, взявшись за руки в парку – йдемо до своєї безмежно дорогої квартири в центрі міста з терасою на набережну, лягаємо на ліжко, яке коштує не одну тисячу доларів і ні, не плачемо, а просто вмиваємось своєю пихою і гордістю, своїм нахабством і жорстокістю, своєю нездатністю в важливий момент у житті відійти від загальноприйнятих правил, які вигадали люди для того, щоб було просто легше жити, від того, щоб просто ринутись у прірву почуттів, не вимагаючи за це ніяких благ, а просто кохати і народжувати.

В школі вона не намагалася вирізнитися від інших дітей, вона думала, що так буде легше. Але ні, хлопчачки казали, що вона товста і незграбна. А дівчата просто насміхалися з її скромності і невміння показати себе. Одного разу на уроці один із однокласників запалив її волосся, і воно згоріло до тла. Важко бути білою вороною, а коли ця біла ворона ще й без кучерів і косичок – ще важче. Навіть не допомогло те, що батьки забрали її в іншу школу, в яку потрібно було їздити кожний день вранці і після занять. Вона не суперечила – покійно схиляла голову і йшла до школи, тихенько сиділа на уроках, отримувала двійки за те, що просто соромилася відповідати, а згодом і за те, що не знала матеріалу. Вона не хотіла вчитися. Було нецікаво. А якій дівчинці цікаво вчитися у чотирнадцять-п'ятнадцять років? Тій, у яку вірять. А вірити на цьому етапі можуть тільки батьки. Головне, що батьки можуть зробити і дати для своєї дитини – це віра. Якщо маленькій людинці сказати, що вона сама краща, що вона все зможе, можливо не все одразу, але зможе, тоді ця людинка згодом переростає в людину, яка здатна приймати самостійні рішення і відповідати за зроблені нею вчинки. Але якщо дитину настроювати на те, що гарне все було позаду, а попереду тільки біль, страждання і невдачі, то вона сама пише свою долю на білому аркуші щоденника під назвою життя.

Вже коли вона стала зовсім дорослою дівчиною, їй довелось вислухати чимало компліментів від чоловічої статі. Та вона не вважала себе якоюсь особливою, а дарма. Євсенія і справді була дуже вродливою і ефектною дівчиною – коли вона виросла, чоловіки захоплювалися нею, а вона залишалася байдужою до їхніх слів, не цінувала себе. У школі важко було знайти спільну мову з однолітками, вона вважала себе негарною і незграбною.

Сьогодні у Євсеній був вечір спогадів. Так, це інколи буває навіть у таких „залізних леді”, як вона. Вона згадала, як починалося її кохання. Тоді, звичайно, вона не розуміла, що це саме те почуття, про яке мріяла вона з дитинства. Це почуття, яке дає волю і силу йти на вулицю, коли страшенно заметіль і повітря

в твоєму носі перетворюється на бурульки, бо ти йдеш до нього. Неважливо було, яка погода, який настрій – ти просто щаслива і не помічаєш навкруги натовп змарнілих і заклопотаних облич, які вештаються містом туди-сюди, туди-сюди.

Спочатку вона не сприйняла серйозно цих залицянь. На той час Євсенія вже мала досвід у стосунках із чоловіками і саме в той момент вона не воліла налагоджувати нові стосунки, які згодом повинні все-таки були зруйнуватися, так вона тоді вважала.

Він був її першим чоловіком, котрому було не байдуже. Йому було не байдуже, адже вона для нього важила як цілий світ, або навіть більше. Після того, як вони зустрілись декілька разів, Євсенія в грайливій формі сказала, що її ніхто не любить. А він відповів, що він скаже, що її любить, але трохи згодом. Того ж вечора вона пішла на побачення з іншим, а він відчув і зателефонував. Він все зрозумів, але занадто її любив, щоб вимагати від неї моногамії. Згодом вимагати цього не доведеться – вона прийшла до неї сама, вона покохала.

Євсенія взяла цигарку і ткнула собі в зуби, але сірників у руки не брала – так того хотів тоді він, вона пообіцяла, що більше не буде палити. З ним цигарки були не потрібні. Вона кинула одну залежність, щоб залучитись до нової. Так, він став її залежністю. Коли він перший раз поїхав на місяць із країни, вона зрозуміла, що не витримає цього, якщо не напише собі шаленого плану на цей час, щоб ні хвилини не було вільної, адже тоді вона зможе швидше пережити цей довжелезний відрізок у чотири з половиною тижні, тридцять днів, сімсот двадцять годин, сорок три тисячі двісті хвилин та два мільярди п'ятсот дев'яносто дві тисячі секунд.

Він любив дивувати її. От і того разу приїхав не попередивши. Вона сиділа у себе в кабінеті і щось уважно читала, аж ось в дверях з'явився якийсь чоловік і вона побачила його. Це був щасливіший момент її життя. Хвилину Євсенія мовчала, вона не знала, що має робити. Намагається підвестись – ноги не слухають, в рот ніби хтось налив води, якщо хочеш сказати слово – виходить щось схоже на шавкотіння. Її ніхто так не міг здивувати, як він.

В одній книжці, колись дуже давно Євсенія прочитала, що всі негаразди та проблеми, які постають на нашому шляху – це випробування, які посилаються нашим творцем, аби зробити людину сильнішою, витривалішою та щоб вона навчилася долати складності сама на своєму шляху. Але взагалі навіщо ускладнювати те, що тобі так дорого і любо, навіщо ускладнювати собі та комусь іншому і без того короткосіньке життя? Це зараз вона ставила собі такі запитання, коли вже пройшло багато часу після того випадку, і вона намагалась щось зрозуміти.

Так, вона кохала його так, як ніхто. Ніхто не міг зрозуміти, навіщо він її. Подруга давно дивилася на неї з жалем, а Євсенія просто замріяно посміхалась, вона була щаслива. Іноді вона сама собі ускладнювала і без того складне становище, але це була вона, Євсенія не могла інакше.

От і зараз, сидячи в дуже дорогому шкіряному кріслі, кольору пустелі з бокалом червоного тягучого, як мед, вина, Євсенія намагалася зрозуміти, що зробила не так, де і коли помилилася. Їй було майже тридцять. Вона була дуже вродливою та розумною жінкою. Одне вона знала напевне, вона зробила дуже велику помилку тоді, коли переступила свої принципи і закохалась у людину, яка ніколи на всі сто відсотків не зможе бути з нею.

Для того, щоб зрозуміти її настрій, потрібно було лише поглянути на її квартиру – вона була у темно-коричневих тонах, які наганяли на людину таку тугу, що просто випірнути з неї не було ніяких шансів. Квартира була дуже великою та дорогою, але чи мало для Євсенії це значення? Ні, певно, що ні. Для неї мало значення тільки те, що до кінця життя вона залишиться сама і буде щовечора після роботи приходити, у вітальні роздягатися, далі мити руки, вмикати на кухні телевізор, щоб дізнатися з новин, що сьогодні сталося поганого в світі, адже новини сповіщають майже завжди тільки про погане. Далі буде щось подібне на вечерю, а потім просто спати, спати, щоб завтра знову опинитися на роботі серед тих людей, котрих хвилюють тільки гроші та зв'язки, котрі вона допоможе їм налагодити. Скільки нищості в нашому житті. Іноді ми живемо і не помічаємо, що в деяких випадках можна зовсім по-іншому ставитися до людей, до їх проблем, але в сучасному світі панує царство грошей, котрі не зважають на такі дрібниці, як люди та їх почуття, це вже стало неважливо, старомодно, та інколи навіть соромно, думати не тільки про себе, а ще й про інших – це просто нечувана розкіш у сучасному світі.

Так, вона тоді закохалася. І навіть зараз розуміла, що мабуть вже ніколи не буде таких почуттів, які були у Євсенії з коханим. Це був шквал емоцій та злива переживань і розуміння. Вже майже два роки минуло, як вони не разом, а вона все згадує і згадує ті проведені разом клаптички життя. Вони були прекрасні та безумні. Вона могла сміятися разом з ним, або схилити голову йому на плече та заплакати, коли було боляче до крику. Боляче від того, що він має йти.

Тоді вона подумала, що нічого страшного не сталося, що так має бути, але зараз розуміла – вони будуть любити і відчувати один одного навіть тоді, коли незліченна кількість кілометрів буде роз'єднувати їх життя. Іноді просто хочеться почути в слухавці – „Привіт, як ти живеш без мене?“. Погано живе, мабуть, просто живе, іноді усміхаючись теплому промінню сонця, яке падає на її обличчя.

Вона давно не курила, але зараз чомусь знову відчайдушно захотілося відчутти цей терпкий присмака у себе в грудях. Ніби ця їдка хмарка диму зможе щось змінити або склеїти в її житті.

Аж ось задзвонив телефон. Вона почула знайоме: „Привіт, як ти живеш без мене?“. Просто посміхнулася і зрозуміла, що нарешті може почати нове життя без примар з минулого. Минулого більше немає, є тільки зараз і з цього „зараз“ вона починає жити, посміхаючись і радіючи кожній дорогоцінній хвилині, яка принесла їй свободу, коли їй було боляче...

ВИТАЛИЙ КУЗНЕЦОВ

Родился в 1965 году в Казахстане. Пишет стихи и прозу с 10 лет. В 1985 окончил специальную школу ВДВ в Новосибирске. Делегат Первого съезда писателей Сибири. Член Европейского конгресса литераторов. Учредитель и главный редактор авторского литературного журнала «Северо-Муйские огни», Барнаул, Бурятия.

ВАРВАР

Надрывный рёв мотора и грохот пустого полуприцепа лесовоза разносились на многие вёрсты по зимней дальневосточной тайге: где-то недалеко велась лесозаготовка. Лесная живность уже привыкла к подобным шумам и почти не обращала внимания на чуждые таёжной жизни звуки. К тому же вырубленные деляны приносили даже некоторую пользу многим обитателям леса, прежде всего – лосям. Их привлекало обилие корма на вырубленных делянах, быстро зарастающих молодым листовенным подростом. Туда они и тянулись, иногда пренебрегая опасностью. Водители лесовозов, зная об этом, всегда возили с собой ружьишко: вдруг какой неосторожный лось выбредет на просеку. Но в особо снежные зимы встречи с сохатым случались и чаще. Глубокий снег оказывался губительным для этих животных, и они нередко пользовались проложенными людьми зимними маршрутами.

В тот мартовский день, уже по-весеннему тёплый, брюхатая самка сохатого, медленно пробираясь по глубокому снегу, брела в поисках более обильного и сочного корма, чем грубая кора деревьев. Только на вырубленных делянах лосиха могла найти его. Туда она и пробиралась. День уже давно наступил, а она всё ещё брела, тяжело волоча по снегу выпирающий живот.

Иногда, чтобы приглушить подступающие позывы голода, лосиха делала короткие остановки. Немного сворачивая в сторону, она пыталась дотянуться до низко склонённых веточек. Но это скорее отнимало силы, чем насыщало, и потому лосиха торопилась: ей надо было до наступления сумерек найти такое место, где она могла бы вдоволь погрызть сочной осиновой коры и пожевать ольховых побегов молодых кустов.

Вдруг лосиха остановилась, насторожившись. Лес заканчивался, и начиналась просека. По этой просеке грузные лесовозы совершали свои ежедневные маршруты. Наезженная колея означала, что поблизости есть

место, где будет много корма и для неё, и для её детёныша в утробе. Ей оставалось только перейти дорогу, и, возможно, скоро она смогла бы выйти на старую деляну. Но она всё ждала, осторожно прислушиваясь к нарастающему вдалеке рёву. Она и раньше слышала подобный гул, и потому, не особо пугаясь его, но и не решаясь уже выйти на просеку, продолжала стоять, оглядываясь по сторонам. Лосиха искала место, куда могла бы отойти и переждать, пока проскочит мимо приближающийся лесовоз. Но лес вокруг, на её стороне, почти просматривался насквозь: он был без подроста и кустов, без чащи, где можно было бы скрыться на время. Только высокие стволы деревьев да глубокий снег окружали её. Но возвращаться назад лосиха уже не могла, и потому она всё же решила пойти вперёд, – на другой стороне просеки лес ей показался гораздо гуще, и она, уже не обращая внимания на приближающийся гул, заспешила к дороге.

Перевалив через высокий борт снега на обочине, лосиха вышла на чистое место. Как легко ей показалось идти! Так бы и не сворачивала никуда, а шла бы и шла до самого места. Но гул позади невольно подгонял её, и медлить было нельзя.

В кабине «Урала» было сизо от табачного дыма. Прикуривая одну папиросу от другой, водитель угрюмо давил на газ. В жизни его было мало радостей, но он уже и сам не желал большего, чем то, что приносила ему зимняя трасса. Коренной дальневосточник, доживающий пятый десяток в этом глухом таёжном краю, он мечтал лишь об одном – как можно больше заработать денег и уехать подальше отсюда. «Хочу пожить по-человечьи», – частенько говорил он без улыбки. Он никогда не улыбался. Все его мысли были заняты изнурительной каждодневной работой да деньгами, которые она приносит, а те, в свою очередь, должны дать ему свободу. Что это будет за свобода, как он ею распорядится – об этом он не думал. Лишь одна забава отвлекала его от угрюмого существования. Это была стрельба из ружья по любой движущейся мишени. Порою он даже и не старался прицелиться наверняка, лишь бы выстрелить. Потому и возил с собой ружьё с большим запасом патронов.

«Ух, ты, стерва, вышла!» – завидев впереди по трассе матку лося, вдруг оживился водитель лесовоза. «Ну, сейчас я тебя сделаю!», – пробубнил он вполголоса и придавил на газ.

Его ружьё лежало рядом и было всегда готово к убийству.

Изо всех сил лосиха пыталась преодолеть барьер высокого снежного борта на обочине, но ей пока не удавалось сделать этого. А расстояние до лесовоза неумолимо сокращалось. Какую-то пару месяцев назад она легко бы одолела это препятствие, но сейчас всё оказалось намного сложнее: тяжёлое чрево тянуло к земле, и детёныш в нём был не один...

В последнем рывке, пробив в затвердевшей снежной обочине брешь, лосиха пошла вперёд: «Успею, смогу; смогу, успею», – тревожно стучало кровью её материнское сердце. Устремляясь вперёд, она ещё надеялась на то, что сможет скрыться.

Гул мотора, приблизившись, притих. Человек в машине, завидев, как matka лося, уже сойдя с дороги, удалялась от неё, показался из кабины и несколько раз выстрелил в её сторону. Одна из пуль слегка задела хребет лосихи, другая глухо вошла в толщу снега под ней.

Быстро перезарядив оружие, человек вновь выстрелил, одновременно из обоих стволов, дуплетом, и обе пули попали в цель. Но ни одна из них не смогла причинить смертельного вреда животному. Она по-прежнему продолжала устремляться вперёд: разгорячённая бегом, совсем не чувствуя боли от ран, и медленно продвигалась к чаще спасительных высоких кустов. При этом с каждой секундой раненая лосиха ощущала все возрастающую тяжесть и беспомощность. Спустя несколько мгновений она с ужасом поняла, что не может, как прежде, отталкиваться задними ногами; она не чувствовала в них силы.

Выскочив из кабины машины, человек с ружьём принялся лихорадочно ощупывать патронташ у себя на поясе: он искал заряженный патрон, но находил лишь пустые гильзы. Оказалось, что ещё в начале дороги он расстрелял большую часть зарядов по всякой живности, попадавшей на его пути.

Перебирая снег передними ногами, лосиха, хрипя от недостатка воздуха, всё же протаскивалась вперёд, и ей уже удалось подобраться к зарослям; ещё немного времени, и она, возможно, смогла бы скрыться в них. Но этого допустить человек не мог, ведь он был уверен, что животному уже не выжить, волки в первую же ночь порвут её. «Не пропадать же мясу, вон его сколько», – думал этот человек, продолжая начатое кровавое дело.

Вновь взобравшись в кабину своего незагруженного лесовоза, он прогнал его немного вперёд, а затем дал задний ход, направив полуприцеп в сторону от дороги, в то место, где в кустах уже успела скрыться лосиха. Удар пришёлся прямо по хребту животного.

Придавленная в снегу железом, лосиха, не имея сил к какому-либо сопротивлению, обречённо ожидала своей участи.

Человек не спеша вылез из кабины и, увидев сбитого, но ещё живого лося под прицепом, понял, что придётся добивать... Тут же, прихватив с собой огромный топор, он решительно направился в сторону израненной самки лося.

Приблизившись к умирающей лосихе, человек, испугавшись её ещё двигающихся в снегу передних ног, не смог подойти спереди и нанести свой смертельный удар в голову. Но и ждать не мог, и потому, тут же взобравшись на полуприцеп, он приблизился к ней со стороны спины. Но и там ему не удалось дотянуться до её уязвимого места. И тогда, уже не сожалея ни о чём, желая лишь одного – любым способом умертвить лосиху, он топором нанёс ей удар по спине. От резкой боли ухнув, она рванулась из последних сил, но уже через секунду вновь ощутила удар, затем ещё и ещё...

Врубаясь в горячую плоть, острое холодное железо безжалостно кромсало спину животного. Через мгновения лосиха уже не оказывала какого-либо сопротивления. Кровавым туманом обволокло её сознание и пеленой застлало свет. Но она была жива и ещё долго терпела разрывающие позвоночник боли, и ещё долго были слышны её предсмертные хрипы, и стоны с тяжким уханьем продолжали вырываться из её груди. И вот, уже затихая, она в последний раз втянула в себя морозный воздух и ушла, унося в себе ещё две жизни своих так и не увидевших свет лосят.

Только после того, как прекратились её предсмертные вздохи, убийца отбросил в сторону окровавленный топор. Он сделал то, на что, казалось даже ему, был не способен. Но это его уже не волновало. В тот момент он видел перед собой лишь грудку свежего мяса и нисколько не сожалел о том, что совершил.

Обвязав мёртвую голову своей жертвы стальным тросом и прицепив его к машине, человек продолжил прерванный путь, досадуя о том, что потерял так много времени.

Взревев мотором, «Урал» – безучастный свидетель и участник кровавой драмы – рванул как можно быстрее от этого места. Но следом за ним, оставляя на белом снегу кровавый след, потянулось истерзанное тело матки-лосихи. Ударяясь о встречные пни раздутым животом, мёртвое тело издавало некий выдох, и при этом казалось, что лосиха была ещё жива.

Но ещё живыми оставались детёныши в её утробе. И только тогда, когда закончился последний кислород последнего вдоха в крови их уже мёртвой матери, остановились и их маленькие сердца.

ЛЮБОВЬ КУТКОВАЯ

Коренная горловчанка. Пишет стихи и прозу, член Лито «Забой» и Международного клуба православных литераторов «Омилия». Публиковалась в альманахах и журналах, автор четырёх книг.

ЗЕЛЕНОГЛАЗЫЙ ГРЕХ

Надюшка никак не могла вспомнить своего отца. И как не старалась вытащить из своего трехлетнего маленького ларца с памятью хоть что-нибудь о нем, ничего у нее не получалось.

– Повезло Вере, – думала она, глядя на сестру, – она уж точно отца помнит, ведь ей было аж шесть лет, когда он умер. А мне – всего год. Год – это, наверно, очень мало, раз в него ничего не вместились о папе.

Надюшка с сестрой Верой, мамой и бабушкой жили в маленьком флигельке, куда родной дед переселил их из своего дома после смерти отца.

– Наследников боится, – сокрушалась мама, – флигель-то холодный. Ну ничего, с Божьей помощью выкарабкаемся.

– А куда мы будем карабкаться, – удивленно спрашивала Надюшка.

– К солнцу, – смеялась бабушка, – к солнцу. Оно жизнь всему живому.

Флигель находился в одном дворе с домом деда. Двор на две части разделяла проволока, по которой на цепи бегал пес Шарик.

– На другую половину двора не ходите, – строго предупреждала мама, уходя на работу, – а то дед опять ругаться будет. Но как только мама ушла, Вера сразу схватила скакалку и стала прыгать на дедовой стороне.

– Это я деду назло, – озорно выпалила она, – он вчера опять колбасу ел.

– Откуда ты знаешь, что он ел? – удивленно спросила Надюшка.

– Знаю, он как колбасу ест, всегда дверь на веранде на замок закрывает.

– Вер, а давай и мы маму попросим колбасы купить.

– Она и так купит, только завтра.

– А почему завтра, мне сейчас хочется.

– Потому что завтра у мамы получка, а в получку она всегда нам колбасу покупает, – авторитетно заявила сестра.

– И пирожное, – мечтательно добавила Надюшка.

Слово «получка» было для Надюшки вкусно-подарочным. Прошлый раз мама купила ей красивые красные туфельки. Она долго держала их в ручонках, не решаясь померить, удивленно повторяя:

– Это мне? Это сразу мне, новые?!

Дело было в том, что всю свою маленькую жизнь Надюшка донашивала вещи сестры, и так к этому привыкла, что ей было страшновато обуть на свои ножки совсем-совсем новые туфельки.

А вечером, снимая туфли с полусонной внучки, бабушка ворчала на дочь:

– Ты бы лучше себе на зиму какие-нибудь сапоги купила. Опять по морозу в резиновых ходить будешь?

– Да ладно, мам. Она и так все время в Вериных обносках. Пусть и у нее хоть что-нибудь новое будет, – с грустью ответила дочка. – Как они?

– Опять у Мальцевых весь день проторчали, как будто других детей на улице нет. И что мне с ними делать, на цепь посадить? Натворила дел, а теперь мечешься.

– Ну что ты заладила – натворила, натворила. А может это я вас бросила и из семьи ушла?! Как умирать, так домой пришел. Как заболел, так никому не нужен и оказался.

– Нюрка, а ну замолчи! Грех о покойниках худо говорить!

– Эх..., – дочь махнула рукой и замолчала. А потом поставила на стол старую ручную швейную машинку, которую ласково называла «моя волшебница», и развернула узелок со своими старыми платьями, которые потом превращались в сарафанчики, юбочки, платьица для дочек.

Семья жила на одну зарплату Анны, а бабушка, отработав много лет в колхозе, имела такую мизерную пенсию, что хватало ее разве что на хлеб. Оттого стук швейной «волшебницы» был слышен далеко за полночь. Анна как могла, старалась свести концы с концами – шила, вязала, но все же очень часто приходилось занимать деньги у соседей, чтобы дожить до зарплаты, получив которую, она хоть немного могла побаловать дочерей.

... Вере вскоре надоело прыгать на скакалке.

– Айда к Мальцевым, – крикнула она сестре, и бросив скакалку на землю, побежала к калитке. Надюшка засеменила за ней.

Мальцевы жили через пять домов на противоположной стороне улицы. В семье было трое детей – десятилетняя Зина и пятилетние двойняшки Ванька и Сашка.

Девочки выбежали на улицу и вприпрыжку направились к дому Мальцевых.

На календаре был 1956 год.

Небольшие, похожие друг на друга домики, ровный ряд заборов, с которых дождь и солнце съели краску, с прилипшими седыми, вжавшимися с землю, скамейками, на которых грелись на солнышке полосато-серые «Мурки» и «Васьки» – это был мир уличной детворы. Мир с драками и примирениями, с разбитыми локтями и коленями, с тайными тропами и укромными уголками в зарослях сирени, общими играми и как обычно, чем-то похожим в судьбах послевоенной детворы. С жадным любопытством ко всему новому начинали они каждый день. Все дети, проживающие на одной, да впрочем, и соседской

улице, знали друг друга. С утра и до вечера бегали они босиком по своим владениям с куском серого хлеба, политого подсолнечным маслом и посыпанного солью или сахаром.

... Солнечный лучик осторожно заглянул в низкое окошко, а потом, осмелев, побежал по комнате и остановился над Надюшкиной кроваткой, словно разглядывая ее. А она как будто почувствовала его взгляд, открыла глаза и осмотрелась.

– Бабушка, бабушка уже завтра?

– Что? – удивленно спросила бабушка, подходя к внучкиной кроватке.

– Вера сказала, что завтра у мамы получка, уже завтра?

Бабушка рассмеялась и поцеловала внучку в макушку. – Да, уже завтра.

Надюшке жилось хорошо. Ее все любили, и только дедушка почему-то всегда был на нее сердитый и не разговаривал.

– Ты на него не обижайся, – говорила бабушка, – он старый и больной, потому и молчит.

– Его, наверное, злой волшебник заколдовал, – думала Надюшка и побаивалась его.

Особенно Надюшка любила зимой кататься с горки на санках. Старая Верина шубка была еще длинной, но зато как мягко было падать, когда санки врезались в сугроб. Бабушка ворчала, когда внучки приходили как снеговики. Но очищая детские вещи от влипшего снега, глаза ее искрились радостью от румяных внучкиных щечек и несмолкаемой детской болтовни.

Лето Надюшка любила за то, что можно было бегать босой.

– Как хорошо, что сегодня – завтра, – радовалась Надюшка и все время крутилась, пока бабушка заплетала ей косички.

День пролетел быстро, и солнце уже клонилось к закату, когда в дом Мальцевых ввалилась куча детворы, чтобы попить воды. Не успела еще тетя Мария напоить и половину пришедших, когда в дом вихрем залетела старшая Зинка и завопила тонким голосом:

– Быстрее, уходите все быстрее, папка идет пьяный, сегодня получка.

Всех детей как ветром сдуло. На улице знали, что Семен Мальцев, бывший фронтовик, теперь работал на шахте, и когда был пьяный, становился как разъяренный бык. Все живое было для него «красной тряпкой», которую он непременно хотел разорвать на мелкие кусочки. Потому все старались обходить его стороной, потому что от природы Семен имел не дюжую силу в своих огромных жилистых руках. Роста он был среднего, и глядя на него, казалось, что к его телу пришли чужие руки. Семена нельзя было назвать пьяницей, но несколько раз в месяц он напивался, и сильнее всего в день получки. Тогда он дома устраивал «девятый вал» и бил жену Марию, которая сейчас прижалась к стене, побледнела, закусив губы, так как бежать уже было некуда – в дверях стоял Семен. Его огромные ладони уцепились за косяк

двери, чтобы не упасть, волосы на голове торчали во все стороны, красные, пьяные глаза, казалось, сейчас просто выскочат из глазниц. Покачиваясь, он подошел к столу и грузно плюхнулся на стул. Потом грохнул своим кулачищем по столу так, что чашки, из которых пили дети, жалобно зазвенели. Он открыл рот, чтобы, как обычно, изрыгнуть матерные слова, которыми он всегда награждал жену, и вдруг:

– А ты колбасу купил?

У жены Семена перехватило дыхание. Напротив Семена, на противоположной стороне стола на лавке, сидела Надюшка, которую она не заметила раньше.

– А это еще кто? – зарычал Семен, протягивая руку, чтобы достать Надюшку.

– Это, это ... это Нюрки Вороновой меньшая дочка, – выдохнула Мария, проглотив комок, стоящий в горле.

Сказанные ею слова произвели эффект ушаста ледяной воды, неожиданно вылитой на голову. Семен замер, не отрывая глаз от Надюшки, потом вдруг как-то сразу обмяк, вмиг куда-то улетучилась его «бычность» и он, почему-то, стал каким-то жалким и несчастным.

– Мама всегда в получку колбасу покупает, а ты купил? – спросила его Надюшка во второй раз и спокойно посмотрела на Семена своими большими зелеными глазами.

Как ни странно, она не боялась Семена, который медленно поднялся, осторожно взял Надюшку на руки, а потом посадил на стол.

– Колбасу, говоришь ... А глаза-то, глаза-то у тебя ... – он замолчал, а потом бережно поставил Надюшку на пол и сказал, – Ну иди, тебя вон сестра ждет. Иди. И легонько подтолкнул девочку к двери, из-за которой выглядывала Вера, с огромными от страха глазами.

Жена Семена, прислонившись к стене, беззвучно плакала, прикрыв ладонью рот.

Надюшка медленно пошла к сестре, потом почему-то остановилась, еще раз внимательно посмотрела на Семена. Ее большие глаза округлились, рот приоткрылся, словно она увидела совершенно неожиданное для себя.

Вечером, наевшись колбасы и пирожного, выкупанная в корыте, счастливая Надюшка, уже засыпая, вдруг тихонько сказала:

– Мама, а у дяди Семена тоже глаза такие.

– Что? Что ты сказала? – удивленно спросила мама. Но Надюшка уже тихонько посапывала, прижавшись к маминой груди.

Анна погладила спящую дочь по голове и с горечью сказала:

– Спи, спи спокойно, мой зеленоглазый грех.

ОКСАНА ТУРЧЕНКО

Родилась в 1983 году в Горловке. Член сетевого лито «Стражи весны». Сейчас живёт и работает в Киеве.

Публиковалась в коллективных сборниках, в альманахах, в журналах «Страна Озарение», «Союз писателей», «Лава», «Пять стихий». Лауреат поэтического конкурса им. Олега Герасимова.

СТРАННИК

По одинокой грунтовой дороге шел Старик.

Дорога вилась и петляла по рыжей пустыне, которая внезапно сменялась то густым прохладным строем вековых сосен, то ослепительно-зеленой равниной, полной майских одуванчиков. Дорога пылилась оранжевыми песчинками, плясавшими в лучах осеннего солнца. Она стонала тысячами изгибов и сотнями случайных поворотов под аккомпанемент апрельского ветра.

Дорога раскисала до непроходимых болот под упругими струями мерзлого холодного дождя, пытающегося походить на утренний снег. Она покрывалась глубокими морщинами от неумимой июльской жары. Дорога тащила за собой, вела вперед, взбиралась на случайные пригорки и ныряла куда-то вниз, указывала единственно верный (и последний) путь, не давала свернуть...

Старик очень устал. Он шел уже не один год. Он устал считать дни, что обгоняли его на этой дороге, спеша укрыться за неясным горизонтом. Он забыл, сколько ночей осталось у него за спиной, пока он двигался вперед. Он не помнил, сколько месяцев непрерывного пути не давали ему оглянуться и посмотреть, как хозяйственный ветер замечает свежей пылью его одинокие следы. Он боялся угадать, сколько десятилетий дышали ему в оба уха, не позволяя остановиться и передохнуть.

Старик шел вперед.

Уже давно прошло то время, когда он перестал воспринимать дорогу как временную обязанность, препятствие, которое нужно просто преодолеть. За сотни тысяч часов, проведенных на этой песчаной ленте, Старик полюбил дорогу. Сроднился с каждым камешком. Узнал каждую травинку, улыбающуюся на обочине. Он помнил каждый поворот на своем прошлом пути. Видел, как меняется дорога у него на глазах, превращаясь из еле видимой, заросшей сочным зеленым осотом, робкой тропки в уверенный твердый тракт, по которому вполне свободно может пройти взрослый человек.

Старик любил свою дорогу.

ПЯТЬ СТИХИЙ

Вместе с ним она ошибалась; петляла в лесах среди колючих кустарников; тонула в липкой земельной грязи; карабкалась на никому ненужные горы; бежала, обгоняя прозрачных бабочек, со снежных вершин к тенистому озеру у подножья; мерзла под слоем голубого декабрьского льда; цвела в пору их общей юности беззаботными васильками и степенно обрастала в последнее время небольшими кустиками бульдонежа.

Старик знал, что дорога устала, как и он. Слишком долго вела она его сквозь утренние туманы и вечернюю прохладу, двадцатилетнюю мечтательность и полувековое разочарование во всем сущем. Вела осторожно и трепетно, как маленького мальчика, сначала играючи, лишь показывая издали то яблоньку с сочными плодами, то заветную речную гладь. Вела серьезно и вдумчиво, не торопясь в неизбежность, иногда делая лишний круг, давая Старика время собраться с мыслями. Вела терпеливо и осторожно от горки к полудню, от заката к первым снегам...

В последнее время силы у Старика заканчивались все быстрее, а путь, прежде четкий и свежий, напоминал давно нехоженую забытую стезю. Все больше пыли укутывало медленные ботинки Старика. Все больше морщин синеватыми трещинками отражалось от его пергаментных щек на смиренном теле дороги, которая с каждым днем становилась все уже. И с каждым новым рассветом все больше нечаянной травы прорастало прямо на ее середине, а наглый выюнок плотным полотном тянулся от одной обочины к другой.

Дорога заканчивается. Эта мысль висела в воздухе сотнями птичьих трелей, задевала лицо Старика невидимыми паутинками, путалась в складках его одежды запахом ранних грибов.

Старик был стар. Они оба были стары. Понимание это сближало их, общее знание роднило даже больше, чем не один десяток годов, пережитых вместе. И предчувствие чего-то жутко-неотвратимого, вот-вот грядущего, все чаще снилось ночами им обоим.

Дорога боялась. Боялась, что скоро, возможно за тем поворотом, или возле того деревца Конец Пути. Боялась, что останется одна. Боялась, что ее не останется вовсе. Боялась, как и Старик, плотно сжимающий губы, что конец слишком скор и неотвратим.

Старик медлил. Привалы становились все чаще и длиннее, часы подъема неуклонно перебрались в соседи к солнечному зениту, вечерняя мгла опускалась гораздо раньше обычного.... Но одураченные дни наверстывали свое, обгоняя друг дружку; и вторник явно наступал понедельнику на пятки, а суббота приходила, когда пятница еще не успевала закончиться.... И Старик

боялся, что не смотря на все его шитые белыми нитками уловки, все так или иначе идет своим, «законным» чередом, совершенно так, как и должно быть, а может, даже немного быстрее, чем следовало...

В один из четвергов, который пытался улизнуть быстрее обычного, пока Старик с дорогой грелись у костра, при чем дороге было теплее, чем ему – думал, зябко вжимая голову в плечи, Старик, - «огонь греет ее прямо в сердце, а мой левый бок, как ни крутись, обнимает ночь.»

С каждым днем Старик мерз все сильнее, несмотря на солнце, не обращая внимания на сезоны и вопреки всем погодным условиям.

Так вот, в один из таких скорых четвергов, к костру, вынырнув из глубокой темноты, подошел мальчик.

Не более десяти лет, блеск начинающего пешехода в зеленых глазах и бесчисленное множество дрожащих вопросов на губах.

«Когда-то я был точно таким же...» - и Старик вспомнил, что в свои 10 с небольшим шел по похожей узенькой, заросшей местами тропке, совершенно такой же, как тот мальчишка, что спит справа от него сейчас, - «по такой же тропке, с которой начинает свой путь этот вертлявый паренек».

- Когда я выходил, мне сказали, что я встречу Учителя. Именно он объяснит мне, что следует делать в Пути! Скажи, Старик, ты много прошел, хотя дорога твоя не так уж и широка... Ты встречал его?

- Не первый год я провел под звездами этого Неба, двигаясь по своей дороге. Когда я начинал свое движение, мне тоже сказали, что Учитель скоро встретится мне. Я был тогда юн и дерзок и совершенно не хотел, чтобы меня учили. Годы обтесали меня, а попутные ветра, встречающиеся гораздо реже встречных, сточили все острые углы, превратившиеся под тяжестью ночных дождей в гладкие грани. Но Учителя я так и не встретил. Сначала меня это радовало.... Потом печалило.... А через несколько тысяч километров совершенно перестало заботить. Моим Учителем стала дорога... Она помогала мне в пути, утешала и поддерживала меня, помогала верить, что за следующим поворотом что-то есть, а после – что за очередным поворотом будет еще один.... Теперь она убеждает меня, что за поворотом есть еще куда идти.... Хотя это уже наша общая надежда...

Старик задумчиво наклонил подбородок к груди и застыл, глядя на язычки веселого племени.

- Послушай, что я тебе скажу, малыш.... Слушай свою дорогу... Она не научит плохому. И если ты тоже не встретишь Учителя – пусть тебя учит твоя тропинка. Лучшее, что любой из нас может сделать – это учиться идти в ногу со

своей дорогой, любя и ее, и все, что вас окружает. Дорога – твой лучший и единственный друг, попутчик и советчик.

- Глупый Старик. Если ты по собственной глупости проворонил встречу с Учителем, то со мной этого не случится! Он объяснит мне, куда нужно идти, и чтоб успеть в пути! – мальчик возмущенно посмотрел на Старика и бросил в огонь пучок сорванной в злости травы.

- Когда мои года были равны твоим, я встретил старика. Он был много старше меня сейчас. Волосы его были до такой степени белыми, что казались холоднее самого первого снега, а глаза совсем потеряли цвет, зато в их глубине тонули и гасли самые далекие из звезд. Он шел с большим трудом, опираясь на отшлифованный узловатыми пальцами дубовый посох, и дорога под ним казалась совсем седой от пыли. Как и тебе, мне говорили об Учителе. Потому это было первое, о чем я спросил старика. И знаешь, что он ответил? Он не встречал его, хотя тоже искал. И путник, встретившийся ему в начале пути, тоже ничего не знал об Учителе, как и человек, которого путник встретил однажды на своей дороге.

«Что же мне делать? Что же мне делать? Ведь я совсем не знаю, как себя вести в таких странствиях?» – спросил я тогда. И Седой сказал: «Запомни, мальчик. Главное – это не дорога, а то, как ты по ней идешь. Не бойся трудных маршрутов, не иди бездумно по проторенной тропке, а следуй туда, куда зовет тебя взгляд, когда сердце стучит одобрительно. Не ты шагаешь по дороге, а дорога будет там, где прошел ты. Потому не бойся свернуть – возможно, лишь свернув с привычной тропинки, ты найдешь свой настоящий путь. Или того, кто составит тебе компанию. И может статься что все, кто не побоялся и свернул, сошел со своей утопанной узенькой дорожки, однажды встретятся и не будет тогда нехоженых полей и неизведанных холмов, потому что все вокруг станет одной общей дорогой».

«А если я не захочу сворачивать?» - «Воля твоя, - Седой усмехнулся, - лишь ты выбираешь, куда идти. Но даже если ты не свернешь, подумай вот о чем: возможно, ты не первый и не последний, идущий именно по этому маршруту. И кто-то до тебя сажал вишню, плоды которой в один из жарких дней спасут тебя от жажды.... И если ты построишь хижину, следующий путник уже не будет ночевать под открытым небом...»

Мальчик у костра сонно кивнул в такт тихим словам Старика: «И что, ты хоть раз свернул?»

- Однажды, лишь однажды я сошел со своей дороги, - сожаленье осторожно пробилось сквозь тяжесть тщательно забытых воспоминаний

Старика. – Но я слишком растерялся... Почувствовал себя потерянным, одиноким и совершенно чужим. И вернулся на свой заранее определенный кем-то маршрут. Однако я помнил слова Седого... о пользе в будущем... я сажал деревья... и построил две хибарки: у озера и в березовом лесу. Сделал в них запас дров и воды....

Я даже хотел остаться в одной из них...

И знаешь, я делал это не для того, что помнили обо мне... а в память о том, кто в самом начале сумел внушить маленькому, слишком самоуверенному мальчугану, что любая, мало-мальски протоптанная дорожка – часть большого Пути.

«А еще в оправдание, в счет платы за свою трусость перед свободой движения, без протоптанных маршрутов и навязанных нам дорог», - но этого Старик не стал говорить.

- Седой сказал, что я должен рассказать кому-то, научить встречного не бояться новых поворотов, больших гор и заросшей травой земли, на которой примятая зелень еще долго помнит все следы.

Я стар, и сил у меня осталось не так уж много. Поэтому я говорю это тебе. Возможно, ты однажды свернешь и вспомнишь одинокого Старика, который всегда шел только по своей дороге...

В эту ночь, пока дорога и мальчик спали, Старик вновь брел тропинкой своего детства, сажал свое первое дерево и закрывал дверь за своим последним отстроенным домом.

А наутро, за несколько минут до того мига, когда костер погас, а мальчик, засунув все полученные советы в самый дальний угол котомки, поднялся навстречу новому дню, к Старикау пришло понимание.

И вопрос, которого он так боялся, и ответ, на который так жаждал получить, сорвался с его потрескавшихся губ и тихим шепотом покатился вдогонку ковылявшему бодро мальчишке:

- А что ... что... там?..

«Что там, в конце? Какой он? Что ждет меня там? Ведь ты совсем недавно оттуда, ты еще помнишь...» - кричали его мысли дрожащими пальцами и широко распахнутыми веками, в ожидании убийственной правды.

Мальчик понял. Он кивнул, посмотрел туда, откуда пришел вчера, и куда сейчас убегала еле видная нить дороги Старика, и с улыбкой сказал:

- Там? Там – Начало...

Родилась 28 июля 1982 г. в городе Горловка. Поэт, музыкант. Лидер и основатель музыкальной группы «ВЕНЕЦИЯ».

Публиковалась в журналах, в альманахах и коллективных сборниках Украины и России. Автор сборника «Тем, кто ушел».

Член Конгресса литераторов Украины. Одна из основателей сетевого лито «Стражи весны».

ФАНТОМНЫЙ БОГ

Мой бедный Бог,
Ты так надеялся на веру.
Без меры выпитую меру
Ты положил на руки нам.
Мой милый Бог,
Включая лампу поздней ночью,
Ты нас душил
И рвал нас в клочья,
Ты дал надежду, боль и страх.
Мой мнимый Бог,
Ты выгнал всех своих из рая,
И мы, тихонько умирая
На небо смотрим тут и там.
Мой страшный Бог,
В крови твои святые руки!
И лучше нет твоей науки —
Где все живое мигом в прах!
Мой дерзкий Бог,
Тебе я жертву приносила,
И каждый раз
Смотрел ты мимо
Моих глубоких, карих глаз.
Мой дикий Бог,
Ты любишь кровь,
Ножи и пушки,

Свою любимую игрушку
Зовешь ты просто — человек!
Мой странный Бог,
В твоём ближайшем окружении
Лишь слабые я вижу звенья
Из сладких слез
И пышных фраз.
Мой слабый Бог,
Ты так хотел почета, силы,
При этом был совсем не милым —
Таким останешься навек!
Фантомный Бог!
В кругу почета — преклонения,
Ты остаешься только тенью,
Даешь уроки жизни нам
Не в ровню всем другим Богам!

О. Г. К.

Осенний город купается
В явном предчувствии ветра,
Твои километры — твои,
Чужими не станут.
И только твои —
Эти долгие километры,
Проходят сквозь темный чердак
Моих ожиданий.
И этажи этих зданий
Смертельно скучны,
Неподвижны.
За ними не видно луны,
Не слышно признаний.
Осенний город купается
В водах скупого дождя,
В оскале домов, площадей,
Мертвых крыш и подъездов.

В прожилках небес
И тонких ночных поездов,
Спешащих куда-то в даль
Нереальных маршрутов,
Проездом.
Я грею ладони на облаке
Плачущих грез,
И капли росы
Стекают по бедрам,
Напуганы нашим отъездом.
Осенний город купается
В горе разбитых сердец,
В козырном раскладе капканов,
Расставленных Богом.
Иуда силен покуда
Ты видишь свет,
Пока не запачкан пылью
Чужого порога.
Какой-то «мудрец» размышляет,
Покуда «глупец»
Сжигает все сердце
В радушной любви к народу.
Осенний город купается
В чьей-то едкой слюне,
В мирах внутри и извне,
В чьей-то хрупкой надежде.
И старые раны
Под ветхой, дряхлой одеждой
Все плачут и стонут,
Не веря грозы новизне,
И чьи-то хрустальные вены
Зеркалят на солнце,
И чьи-то слова говорят
В чужой стороне.
Осенний город купается
В жертвенном танце огня,
В потустороннем миру,

В чьих-то душах охрипших.
То ли от крика,
То ли от гриппа осипших,
С температурой под сорок,
Но все же шутя,
Не веря, что где-то есть счастье,
Но все же надеясь
И по сценарию изображая
Тупого шута.
Осенний город купается
В нервном движении рук.
Почти захлебнулся от страха
Пред судной расправой.
И левая сторона
Не становится правой,
И слышно как нити
На горле сжимается круг
И музыка камня с песком
Рождает звук,
И он в голове расплывается
Жидкостью алой.
Осенний город купается
В моих бескорыстных стихах,
В твоих задушевных песнях,
В чьих-то рассказах,
В прозрачности и прямоте
Божьего глаза.
Он наблюдает за мной,
Как у меня на руках
Уходит поэт
Из мира.
Он сделает небо в ромашках
И небо в алмазах.
Он повторит эту осень,
В которой купается город.
Осенний город купается...

ИВАН ВОЛОСЮК

Родился в 1983 году в Дзержинске Донецкой области, в семье шахтёра. Выпускник русского отделения филологического факультета ДонНУ. Автор 5-ти сборников стихов. Публиковался в литературной периодике 10 стран, в том числе в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик», «Радуга», «Донбасс», «Иные берега», «Побережье». Член Межрегионального союза писателей Украины (МСПС). Живет в Донецке, работает в рекламном издании.

Б. М.

Здесь, в ментальном пространстве, на пересечении улиц
Как из глины словесной, ещё возникают дома,
Тень скользнула легко и затихла, как платье на стуле:
Это через Крещатик неслышно прошли времена.

Суеверья отбросим! У прошлого нет повторенья,
Если встретимся снова под тенью каштанов твоих,
Ты узнаешь нас, Киев, как будто одно поколение
Вобрало в себя боль и страдания всех остальных.

В Киеве - холод, в Донецке – не то, чтобы радость,
Просто ещё не понятно, начнётся ли осень:
Кто-то собрался на год пролонгировать август,
Но к договору о лете остались вопросы.

Значит, всё будет, как раньше. И возле «Форнетти»,
Тот же – знакомый мне запах, знакомый, поскольку,
Ты мне приносишь в оранжево-белом пакете
Самую лучшую, самую вкусную слойку.

Возле филфака пьём кофе, двадцатка – найдется,
Взять бы – два американо, и пить наравне их,

ПЯТЬ СТИХИЙ

Но ты берешь капуччино, и мне остаётся
Горький эспрессо, который готовят быстрее.

В Киеве – дождь, а Донецк, как сегодня родился!
Я улыбаюсь, ты машешь рукой мне: до завтра!
Завтра окажется: мир навсегда изменился:
Но мне сказали, что осень приходит внезапно.

Я хожу оборванцем, и с Щорса сворачивать
В переулок Орешкова мне как-то совестно.
Собираются осенью дни укорачивать
Или солнце над городом выключат полностью?

Или станет зима темнотой непролазною,
Снизу белым от белого снега подсвеченной,
Если сыпятся сверху снежинки алмазами,
Небеса фонарей подпирают подсвечники?

Настоящего времени тучи налитые,
Ветер тихо уносит, и прошлого нет уже,
Черно-белое фото, пространство закрытое,
Будь такую, как есть, обойдемся без ретуши.

Для тебя это время теперь несущественно:
Пересадка на «Ветке», ты - с сумкою клетчатой.
Жизнь была эфемерной, а слово - вещественным,
Сердце было закрытым, твоим, засекреченным.

Больше не с кем делить горький хлеб размышления,
Пережеванный воздух не выдохнуть полностью,
Должен кто-то собрать голоса поколения,
Став единым и полным значения голосом.

ИРИНА КУЗНЕЦОВА-ГРУЗДЕВА

Родилась 4 октября 1968 года в пос. Палатки Харьковской области. Член Союза писателей России, Горловского литературного объединения «ЗАБОЙ», сетевого лито «Стражи весны», Международного СТС «Озарение». Редактор журнала «Поэтический меридиан» (издательство «Союз писателей»). Победитель Международных конкурсов «Союзники - III» и «Поэзия без границ». Автор книг «Это для тебя» и «Потому что люблю». Сотрудник Национального Аэрокосмического Университета «ХАИ».
Мать семерых детей.

Сорить стихами - вот удел поэта!
Крепись, читатель, миссия почётна -
Читать стихи и точкою отсчёта
Считать в ночи любой источник света,

В любом окне, где виден силуэт
Склонившегося над столом поэта,
Где гасит лампу ласковый рассвет,
Где Муза ждёт и требует ответа...

*Ты помнишь письма? - Я почти забыл...
Что толку в письмах - так, сплошная рана...*
Александр Пахнющий

Я помню день. Сутулый почтальон
Принёс газеты с новой подборкой
твоих стихов. И это был не сон!..
И в доме пахло свежее уборкой,

Побелкой, краской, свежим огурцом,
Весной, сиренью, краской типографской -
Так пахнет счастье. День в конце концов
Пошёл на убыль. Близилась развязка -

Весенний вечер ласков был и тих,
И где-то за стеной шуршала мышка.
Длинною в жизнь казался этот стих,
и затянувшейся разлука слишком...

Ты знаешь, я невольно виноват...

Ты знаешь, ничего не исчезает...

Андрей Чернышев

Никто из нас ни в чём не виноват,
Ты знаешь, это просто осень плачет.
Судьба вращает жизни жернова...
Стучат по крыше яблоки на даче,
Трещит камин. За окнами гроза.
Свободой надышавшись до предела,
Зажгу свечу, поставлю к образам...
Ты знаешь, я не этого хотела.

*Бывшее уходит в ничто ничему научая,
мы станем ничем (но сейчас ты живёшь и читаешь!..) —
останутся глиняный чайник и запахи чая
в коричневых порах керамики...*

А. Пахнющий

Мы станем ничем, но сейчас я живу и читаю
Те строки, что ты мне намедни отправил по почте

О том, что эпоха добра, может быть, к вертухаям,
Ко всем остальным эта дама жестока, а впрочем...

Наш глиняный чайник, в котором от прошлого века
Остался ещё аромат незабвенного чая
С какой-то тухлою - он помнит того человека
Эпохи застоя, который добро излучает.

И бракоразводный процесс Украины с Россией
Ему и не снился (и нам с тобой, кажется, тоже).
Всё ближе и ближе подходит эпоха бессилья,
Где каждый десятый с рожденья уже заторможен.

Мы станем ничем, наши строки прочтёт кто-то третий -
За наши слова и поступки он будет в ответе...

*...Стихи рождаются в крови
Сочащейся из пор души,
На жертвенный алтарь искусства...*

*Поэты умирают от любви.
Андрей Шугин*

Поэты умирают от любви,
Оправдывая этот мир жестокий.
И станут искупленьем чьи-то строки... -
Прочти, читатель и благослови.

Того, кто жил и верил, и дышал,
В ночи внимая трепету Вселенной,
Земной любви - банальной и нетленной -
Началу всех невидимых начал.

Её печалью этот мир обвит -
Веригами смирения, рогожей,
Нежнейшим шёлком - шрамами на коже...
Поэты умирают от любви!

Всё то, что плачется... -
взахлёб
читают пришлые.
Угмонить себя, да чтоб
ни строчки лишнего...
Цедить по капельке рассвет
до новых завязей
Стихов, в которых места нет
и тени зависти.
Так не уходят - отдают,
как дань почтению,
Слова - не сказанным словам
на попечение.
Молва - молвою,
бытом - быт,
а ропот - ропотом.
Переболели. Изойдёт
стихами...
Что потом?..

Спасибо, что ты не помнишь
Как плакала ночью небыль,
Как небу вторила полночь,
Теперь позабыть и мне бы,

Как манит твоя улыбка,
Как счастьем глаза лучатся...
Но плачет надрывно скрипка
О невозможном счастье...

ИВАН НЕЧИПОРУК

Родился в 1975 г. в городе Горловка. Заочно закончил филологический факультет Донбасского государственного педагогического университета. Работает на ГП «Артёмуголь». Публиковался в альманахах, литературных журналах Украины, России, Молдовы, Австралии, Германии, Казахстана. Автор нескольких поэтических сборников. Член Международного сообщества писательских союзов (МСПУ), Горловского литобъединения «Забой» и Международного клуба православных литераторов «Омилия». Смотритель сетевого лито «Стражи Весны».

* * *

Живу в постоянной нехватке смиренья
И суетно мир постигаю с азов.
А душу не спрячешь уже на засов,
Слоняюсь в ночной тишине – словно тень я.

И к небу опять простирая ладони,
Пытаюсь отбросить сомненья свои.
На части листы дневника раскроив,
Надеюсь, что слово в тоске не утонет.

И вырвется к солнцу надежда живая,
И звонкой монетой решенье сверкнёт.
И сбросит душа опостылевший гнёт,
Дождавшись какого-нибудь урожая.

ШАРДЕНОВСКИЙ ДЕНЬ

Этот день так возвышенно строг, как полотна Шардена,
И течёт над февральскою улицей призрак тоски.
Но сегодня надежды со мною настолько близки,
Что я вырван у этой хандры из тягучего плена.

ПЯТЬ СТИХИЙ

Растворился туман обречённых иллюзий. Вальяжно
День крадётся за мной, словно наглый шарденовский кот.
Он ведь знает, что цель моя – только вперёд и вперёд,
В этой хитрой игре, где победу желать не столь важно.

МИР БЕЗУМИЯ

Там мир зарешёчен, вернее, упрятан,
Он словно осколок безумных планет.
Был мир этот чужд – обнаружился рядом,
Больным дежа-вю из утраченных лет...

Я там подвизался в чужом измерении,
Тянул эту лямку сомненьям назло.
Но время пришло, растворившее тени,
Открылись решётки, и солнце взошло.

Но горький осадок горячего смрада
Всегда где-то рядом, как злой конвоир.
Мне страшно признаться, что боль эта рядом –
Душевноболезненный сумрачный мир.

* * *

И снова напрасно поверил
в бездушные сны я,
Увязши по горло
в порочно-дурманном кругу,
Теперь-то я понял,
что значит – мосты разводные,
Когда оказался один
на пустом берегу...

* * *

Анастасии Нечипорук

Перевернулось всё вверх дном,
И ночь бессонницей предстала.
Сипуха кычет за окном
На полквартала.

Альбиций дивный аромат,
Беспечно в воздухе витает,
Цикады в воздухе трещат,
И тьма густая.

И хочется забыться сном,
В блаженном умиротвореньи...
Кружит сипуха за окном,
Мятежной тенью.

ЧЕРЁМУХОВЫЙ РАЙ

М.Ц.

Когда цветёт черёмуховый сад,
И раны прежние опять меня тревожат,
Я вспоминаю – сотни лет назад,
Когда я был наивней и моложе,
Я верил в миф, что ты мне кровный брат.

Когда в душе расцвёл надежды май –
К тебе, собрату, постучался в двери,
Эмоциями полон через край...

Ты знаешь, брат, а я как солнцу верил
В тот образ, в твой черёмуховый рай.

ПАМЯТЬ

К 140-летию со Дня Рождения Аркадия Коца

Аркадий (Арон) Яковлевич Коц родился 3 (15) октября в 1872 году в Одессе в семье мелкого чиновника. Будучи ещё мальчишкой, он страстно полюбил литературу и предавался мечтаниям о литературной деятельности: с 13 лет начал сочинять стихи.

В 1889 году попадает в число студентов Горловского Горного училища имени С. С. Полякова. После получения звания штейгера, работал на рудниках Донецкого и Подмосковского бассейнов управляющим.

В 1897 году для завершения образования Аркадий Яковлевич выехал в Париж, где сблизился с революционными эмигрантскими русскими кругами. Именно тогда, в начале нового века он написал русский текст гимна «Интернационал». После возвращения на Родину работал агитатором и репортёром газеты «Искра». После революции был инспектором Наркомата промышленности, курировал шахты. Аркадий Яковлевич Коц жил более, чем скромно. Писал стихи, переводил авторов Парижской коммуны, Эжена Потье, Лафарга, Беранже и др. Публиковался в основном в газетах «Правда», «Литературная газета» и в журналах «Новый мир», «Звезда», «Крестьянка». Авторская итоговая книга была сдана в набор и готовилась к выходу в июле 1941 года, но началась война, и набор был рассыпан.

Умер Аркадий Коц 18 мая в 1943 году, будучи в эвакуации на Урале, похоронен в Свердловске на Михайловском кладбище. Единственная полноценная книга вышла только спустя 14 лет после смерти литератора.

Аркадий Коц - один из зачинателей пролетарской поэзии и первое литературное имя Горловки.

Льву Толстому

Я слышу звук его речей...
Среди всеобщего смятения
Великий старец наших дней
Зовет на путь непротивленья.
"Зачем насилье над врагом,
Победа, купленная кровью?
Не лучше ль нам в борьбе со злом
На зло откликнуться добром,
На ненависть – любовью?
Пусть враг силен, пусть долог путь,
Но верю я, настанет время –
И расцветет когда–нибудь
Любовью брошенное семя..."
Простые, ясные слова –
И кто проникая их лучами,
Как бы коснулся божества
И говорит его устами.
Пред этой истиной простой
И я склонял свои колени...
Но предо мной встают толпой
Другие образы и тени.

Там, где пред грозным палачом
Народ смиренно спины клонит
И под ярмом, и под бичом
Бессильно падает и стонет,
Там, где страданьям нет числа,
Где попираются от века
Пятой ликующего зла
Права и чувства человека.
Где мысль униженно молчит,
Сложив беспомощные крылья,
И дух восстания убит
Отравой рабского бессилья –
Там, нет! Не мир и не любовь,
Там нужен мощный клич восстания,
Там нужно немощную кровь
Зажечь огнем негодованья,
Там нужно ненависть борца
Вдохнуть в заснувшие сердца,
Давно привыкшие к смиренью.
И в час возмездья роковой
Забить в набат и звать на бой
К освобожденью!

Аркадий Коц

ПЯТЬ СТИХИЙ

ПОХМЕЛЬНЫЙ СИНДРОМ

Библиотека журнала «Пять стихий» – 2012

Под таким названием в Горловке вышел в свет сборник стихов молодого енакиевца – Андрея Герасимова. Это уже третий сборник автора, который он выпускает в свет. Необычное для молодого автора название книги обусловлено не алкогольными пристрастиями Андрея, а попыткой представить воспроизведение того бытия, в котором ему приходится «вариться». На обложке книжки изображён рваный контур бабочки – это

своеобразная чёрная дыра, – это образ тревоги, и в то же время надежды. И если посмотреть на название – рисунок легко объясняет значение – после эйфории опьянения, которую можно сравнить с лёгкостью бабочки, приходит похмельный синдром – то бишь чёрная дыра. Уже обложка даёт толчок к вдумчивому принятию текстов молодого автора, которые он дарит с надеждой этому миру.

Попытка молодого человека показать своё окружение, свой внутренний и внешний мир. Это своеобразная летопись дворовой жизни, которая проходит под окнами наших домов, и которую мы так тщательно стараемся не замечать. В коей–то мере стихи Андрея Герасимова – это босяцкая литература, не хулиганская, и не дворовая, а именно – босяцкая, это настолько лёгкая и свободная поэзия, что не хочется автора укорять во фривольности, дабы не вызвать у него синдром «Человека, который умел летать» (помните, у Чапека?). Лёгкая, и в то же время полная тяжёлых образов, мрачная, но в то же время лучистая. Автор откровенен и чист с детской непосредственностью, он не возносится в своих стихах, а просто дарит своё слово тому, кто поймёт и пойдёт вслед за ним в страну альтернативной культуры. Вот он ставит своё зеркало перед нами: «Смотрите! Неужели вы не узнаете в этом отражении себя?»

Макс. ЦАПКО

ВОЛЬНЫЕ СТРАЖИ ВЕСНЫ

Библиотека журнала «Пять стихий» – 2012

Коллектив донбасского сетевого литературного объединения «Стражи весны» к своему двухлетию подготовил очередной альманах, куда вошли работы большей части участников объединения. Помимо пионеров организации, в данном выпуске присутствуют работы новобранцев – Дмитрия Абрамова и Ольги Венцель. К стихам и прозе прибавились тексты песен, ведь среди авторов Лито есть рок-музыканты: Анна Воинова, Алексей Коломиец и Александр Курапцев. Альманах рассчитан на широкую читательскую аудиторию.

ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ

Издательство «Союз писателей» – 2012 г.
Новокузнецк.

В Новокузнецком издательстве вышла вторая книга члена Горловского Лито "Забой" и донбасского сетевого литобъединения "Стражи весны" – Ирины Кузнецовой (Груздевой). Книга замечательного автора и не менее замечательного человека Ирины Кузнецовой (Груздевой), руководителя творческого отделения МСТС «Озарение» в Украине, автора книги «Это для тебя», победителя III Поэтического конкурса «Союзники», лауреата II Поэтического конкурса «Союзники», победителя Международного конкурса «Поэзия без границ».

Любовь... вот что является лейтмотивом творчества этого удивительного человека. Любовь не только к самым близким и дорогим, любовь – к неизвестным, к виртуальным, к перво-встреченным на улице... В стихи Ирины Кузнецовой хочется нырнуть с головой и витать в ею созданном пространстве, не выходя наружу. Читайте, наслаждайтесь!

<http://soyuz-pisatelei.ru/shop/139/desc/kuznecova-irina-potomu-chto-ljublju>

ПЯТЬ СТИХИЙ